

Французская история литературы XVIII в.

и сгруппированы. Просветы французов не имели опоры в дворянстве и охотнее на бумагу. (Л. Маловъ).

Практическое значение пропаганды Геллвезиуса можно было всего лучше подтверждено тем, что она сыграла роль в влиянии на Беккарио в его реформы криминализма. Маркиза Беккарио — итальянский мыслитель, иуда козорного небезызвестно и в России — (род. в Милане, в 1732 г., умер в 1794 г.; находящееся имя его было Федором Бонесаома). Его книга „О просвещении и наказаниях“ имела влияние на законодательные указы Екатерины II.

2. Аббат Рейнал (Guillaume Thomas Raynal).

L'abbé Raynal (1713—1796) оставил духовное звание для того, чтобы вернуться в круг энциклопедистов, и прославился своими работами. Редактируя газету „Меркурий“, он написал „Философскую историю Индии“ (*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux Indes*, 1780 г.). За эту книгу генеральный адвокат Сезе потребовал в парламенте суровейшего наказания автору — и Рейнал принужден был бежать в Францию, а книга его была сожжена палачом на эшафоте. В этой книге говорилось, что все религии одинаково уважительны и принадлежат той или другой зависимости не от климата, что полицистика была самого древнего и самого распространенного религия.

1. История философская и политическая о заведениях и зоробити европейцев в Индии, для которой пользовался Мессе, или созданным Дидро.

что отъ него произошло манихеизмъ,¹⁾ а отъ этого деизмъ,²⁾ что христианство, полюбодовавшее за иудействомъ, имѣло успѣхъ потому, что иудейство, подрывное философии, царе царство, и потому что подверглось преслѣдованію; это професданцизмъ крестомъ подрывающъ христианство. Другое преступленіе Рейманъ совершилъ въ томъ, что онъ въ 1781 г. требовалъ для вельвъ гражданъ равенства передъ закономъ. Онъ напомнилъ старое посягновеніе острова Цейлона, предписывавшее монарху — исполненіе закона и присуждавшее его къ смерти, если онъ осмѣлився нарушить законъ. И Рейманъ прибавилъ: «Земле народы знали свои права, этого старинный обычай существовалъ бы во вельвъ странахъ земли. Законъ ничего не значилъ, если, какъ мечъ, онъ не проходилъ безразлично по вельвъ головамъ и не срубалъ всего, что поднимается выше горизонтальной тлани, въ которой онъ дѣлается».

Лансонъ говоритъ: „Книги Тельвезія и аббата Рейманъ — верховныя произведенія. Онъ и всегда имѣли зомско-вышнее значеніе, приданное имъ парзійскими сфра, сфидки. Тельвезій, очень гезный и благозворженский, лобакъ, сводилъ все правдивное къ хорошо понятому личному интересу.“ „Рейманъ — ниже Тельвезія; онъ написалъ книгу, не имѣющую никакой общей связи, книгу, въ которой онъ по всякому поводу разразающъ

1) Ученіе персидскаго ерефика Манеса или Мани въ III ст. о двухъ божественныхъ существахъ, о добромъ и зломъ.

2) Ученіе объ одномъ богѣ въ противоположеніи пантеизму.

всякого рода зирадали прожить Бога, религии и правды,
землеува; оны просили своих друзей дозавладеть ему зри
 зирады, и Дидро был его главным покровителем."

Таким или иначе, Рейналь, один из ближайших
 создателей Триана, далеко не шельмует землетрясение из-
 вержное, которая никогда равняла его даже с Воль-
гером. Легко понять, однако, причину этого увлечения.
 Рейналь сделал истинный вклад в предпринятое
 философами возрождение словотворения. Служа в ко-
 лоний он сделал его свидетелем ужасов рабовлад-
 ства, и, глубоко потрясенный зрелищем исчуждения
 и всепроизводства, совершаемых кулуарными людьми,
 он задумал уже упомянутый обширный труд "Histoire
philosophique et politique des établissements et du commerce
des Européens dans les Deux Indes" (Философскую и
 политическую историю колоний и торговлю европейцев
 в Индии и Китае, 1772), в котором горячо пропо-
 нировал освобождение невольников, и, попутно
 поднимаясь поводом, поднимал и более широкие
 вопросы — о деспотизме и свободе, о господстве капи-
тала и эксплуатации труда; не обошлось и без восхва-
 ления, естественного соседства людей. В индологиче-
 ской картине, приложенной к книге, поднимали
 ся мысли; на одной из них, напр., задолюбивая зем-
щина (природа) кормит трудом черного и белого ра,

Бетика, одинаково ей близкая, а поодаль идея сраши-
 ная ртуть и изурядение бивыми негровъ. Рейналь
 часто впадаетъ въ декламацию и кубервузельность, кою
 порою поднимается до энтерического обличия; въ нѣ-
 которыхъ мѣстахъ книги заморские слова содрудни,
 чезва Дидро. Книга историческаго разсказа прерывается
 по временамъ романтическими эпизодами изъ жизни
 американскихъ дикахъ, тогда уже предъотравившими
 романы Шаробриана, сильно идеализованными и въ
 XVIII вѣкѣ не разъ передъотравившимися для сцены.
 Гордая заслуженность Рейналя за работу нашу от-
 зываетъ всеюду, гдѣ царилъ рабство. Возникъ возстаніе нег-
 ровъ въ Санъ-Доминго, Туссенъ-Лувертьюръ, со следа-
 ми читала его книгу и уподобляла ее евангелію. Она
 же, вѣроятно съ Сенсиментальности Пущесервиль въ Сур-
 на, побудила (говоришь А. Веселовскій) Радищева вѣска,
 зашъ въ своей знаменитой книгѣ благородное негодо-
 ваніе, которое возбуждало въ немъ русское кровное.
 писаніе. Пакъ о томъ, что естималъ Рейналь, спасла
 его отъ смерти въ дни террора; въ отпоръ на его
 нападки прозвъ диктатура, Родесбергъ, взоидя на
 трибуну, напомнилъ, какое великое имѣя кошить
 обвиняемый, и предложилъ не вѣнчать ему презуп-
 лентъ. — Выше Телсвейцка и Рейналя сраишь Томбаха.

Томбаха.
 1723-1779.

Съ дамскими салонами соперничали уже повне,

музыкальные кружки, предвостренились полужизненным кну-
 тов; в одно время из них царил недавний приме,
 лесть в чуждом мире, богатым, красивой баловен
 судьбы, как в чуждом изобретении Тельвещице; в другом
 маскобилье хозяином являлся офранцузенный ба-
 рон Толстах. Оба они много обязаны были возбуду,
 пощелу влиятельного посредничества отношений с образо-
 ванными людьми. Это влияние озвлекло Тельве-
 щича от заветной оркушица и превратило в задум-
 чивого чуждаго, обдумывавшаго каждое выражение
 своих книг по немецкому часам, гуляя по парку;
Толстах долго так же направлень был на заня-
 тия естественными науками, и его книга, Système
de la nature зародилась в его салоне.

3. (Толстах.)

Толстах герверзи сполнозя собирался чужою родом.
 кей ищелмиченци в салоне барона Толстаха.
Le Baron d'Halbach (Paul-Henri) родилсь в Гейден,
 гейль в Порульце в 1723 г., но уже рано приехал в
 Париж и получил французское образование. Сначала,
 он занимался естественными науками, прамич,
 изобретено Липието. Как Триппль сообщает, он (Тол-
 стах) переводил с немецкаго чуждыя Липиеския
 сочинения, писал много о физикте, химии, минера,
 логии. Сказки его по зритель предметам попыщались

1) Эрозь впоследствии так назывался "тезис д'озель философии".

в Энциклопедии. Но позже, и именно по подбуждению
 Дидро, он перешел к философии. Отец его, иезуит-
 ский авантюрист, озабочен значительное сведение славы,
 козорный сдвигал из богарства хорошее упорядочение,
 упряжь деньги на добрые дела и на улучшение свобод,
 как бы маслицей. Объезд его славились в Париже.
 Толбала сам был ревностным последователем философ-
 ских принципов, замкнувшихся традиционная леген-
 да выводами разума. Он был благородный и велико-
 душный человек. Дидро называет его в своем пер-
 вом письме к Мле Воланте веселым, охотливым
 и сильным садиром; но своим друзьям он был вы-
 ной другом, и благим и умеренным от по-
 мочи в нужде. В Новой Энциклопедии Руссо помещены
 Толбала благородный англичанин Вольмаров.
 И Тримм³ описывает о Толбале следующие образом:
 „Я видела мало таких чужих и образованных
 людей, как Толбала“. Он не мог никого не-
 видеть; но если он говорил о деспотизме и суете,
рим, тогда превращался его крокодил в горел и мар-
 брант. Толбала умер 21 февраля 1799 года в Па-
 ризе на шестидесять месяцев году жизни.

Кроме сарей, ^{его сарей.} поставленных в Энциклопедии,
 особенно Толбала издал под псевдонимом „Le Christi-
 anisme dévoilé“ (Облуженное Христианство, 1756 г.), сам же

1) Пломь I, стр. 73.

2) козорные называли ^{его} maître d'hôtel de la philosophie;

3) в „Литературной корреспонденции“

призкую садиру, „Theologie portative“ (Удобноносимое - Пере-
носное богословие, 1768 г.) и „L'Esprit du Clergé“; послед.
нвая книга была сожжена рукою палача, но главное
сочинение его — „le Systeme de la Nature“ („Создана приро-
да“, 1770 г.).

В 1770 г. во парижских салонах появилось
сочинение, обратившее на себя всеобщее внимание и сущ.,
но подпольное, бывшее на ухе современников. Оно было
напечатано в Лондоне, носило заглавие Systeme de
la Nature („Создана Природа“) и вышло в светъ, какъ про-
изведение некоего Мирабо, бывшего секретаремъ Акаде-
мии и умершаго десять летъ тому назадъ. Несмотря
на то, что имя Мирабо значилось на первомъ листе
книги, несмотря на то, что въ предисловии была по-
мещена небольшая биографическая записка о Мира-
бо, — бед публика знала, что это была шутка, прозой
озвободъ, что покойный секретарь Академии вовсе не был
способенъ написать такую срамную книгу, и что она
на самомъ деле была написана кѣмъ-нибудь изъ круж-
ка философов-материалистов-энциклопедистовъ.
Указывали на Дидро, на Нолтона (Nolton) и Лакран-
та. Действительно, эти писатели принимали некото-
рое участие въ созавлеченіи пресловутой книги, но
неумножить авторовъ ея, какъ оказалось впоследствии,
былъ Баронъ Гольбахъ, — закладный простовизитель, въ

1) Но первую книгу написал Damileville; ср. Voltaire's Works Goth. Ausg.
Bd. 67, S. 392; а вторая написана Нолтономъ, ср. Damilton, Mémoires
servir à l'Hist. du 18me Siècle t. 2, pp. 395 след.

Толбахова *Système de la Nature* раздѣляется на двѣ
 части: въ первой полагаются основанія новаго рѣзко-
 маатериалистическаго міросозерцанія, во второй авторъ
 занимается поделкой съ геологіей и деизмомъ. Мафе,
 рѣалистическое ученіе зого времени получило въ згоу
 Французъ самое полное и рѣзкое выраженіе. Все духов-
 ное, все сверхъестественное устранилось, какъ произ-
 водный вымыселъ челоука, какъ плодъ его фантазій
 и заблужденій. Въ мірѣ нѣтъ ничего иного, кромѣ
 силы и вещества. Вся вселенная предѣляется безъ
 конечную, неразрывную цѣпь причинъ и слѣдствій,
 въ згой цѣпи станица и челоука, — и затѣмъ называемое
 моральное, духовное начало его бытія — зольско одна
 сторона его физическаго стизни и подчинено зтѣмъ же
 законамъ, какъ и другія физическія стизванія. Между
 затѣмъ называемыми зрѣніемъ царствъ природы прои-
 ходитъ посредничій обитанъ и круговоротъ вещества.
 Шивозное приобрядаеть новыя силы, изааетъ други,
 ли шивозными или раскѣидными, окружающая приро-
 да поддерживаетъ его стизствование, и затѣмъ, подъ влі-
 яніемъ зой стѣ природы, оно подвергается разложенію,
 и разложившіяся части верунаются въ новыя сочетанія,
 нѣтъ, въ новыя организаціи. Шелозная необходимость
 господствуетъ, какъ въ мірѣ физическомъ, затѣмъ и въ мі-
 рѣ нравственномъ. Во время урагана челоука нѣтъ

крушающейся с того же необходимостию, с какой волнующая народы в бурный эпохи революции. Все несчастие человека заключается в том, что он не знает природы и потому изумления дивнейшей деятельности преследует не, собственно либеры и французские образы. Пусть же освобожденно человека, к его земному счастью заключающаяся в нем. Рабство, в котором страдает человек, чуждые оковы, наложенные на него рабскими и жрецами, держатся заблуждениями. Мечта поспе, немно привелась человекство к земному блаженству¹⁾.

Возвратившись опровергнуть эту книгу в статье "Бог" своего "Философского Словаря". Другое сочинение Томпсона *Le Bon Sens ou Idées naturelles opposées aux Idées sur-naturelles* ("Здравый смысл или естественный идеализм в противоположность идеализму сверхъестественному", 1772 г.) — повзрелое "Счастье Природы", которое в то время популярной формой. Это *Système social* ("Социальная система", 1773 г.) устанавливает правила нравственности и политики, независимо от религии. Неизданный в Париже, книги эти печатались в Голландии и тайно провозились оттуда во Францию, без имени автора. Да, те близкие друзья Томпсона не знали, что от автора эти сочинения, распространяемые в удобном, написанные живым языком, но полные новыми идеями, который правительством напрасно сжигался

1) В содержании этой пресловутой книги можно познать мир еще ближе к "Методу материализма" Ланге.

уникозиште преследованија. — Токбаха написах
 меѓу прочиото еше следуюќа сочиненија: La Politique
naturelle ou discours sur les vrais Principes du Gouverne-
ment 1773, L'Éthocratie ou le Gouvernement fondé sur la morale 1776,
La morale universelle 1776, Éléments de la morale universelle

1790г. Дри вети ко правоученито означенијата сочиненија
 написани благообдушно и чинствено; они укажуваат
 на то, што вети обдзанности, како кајној закь и госу,
 дарешвенној индустри, меркаваат изь сзреленија людей
 ко блаженству.

Во своихь сочиненијехь Токбаха сметалше друмише
 возривалше прозивь християнства и проповедовалше материализмь.
 И не одише Телсвещицеу чиньше соединити се
 изучениешь специально-научниехь вопросовь политиче-
 скихь и социалниехь процесу. Système de la nature Токба,
 Така, задаваеш пересмотромь религиозныхь воззривий
 и есесривознаний, виверти се зьтоме не усзунала франк,
 задале Телсвещицеу во сьтолькихь нападкахь на сущешь,
 сзвущоуќий порядоки. ^{на физическомь и политическомь} Вьсеша близкая Телсвещицеу по ду-
 шу „Сущеша природы“ Токбаха била вьрогешь, бочешено
 есешто, написана или, по крайней мьрты, вьнущена
 Дидро.

Собезвешено, мысли, козорня на находимы вь пресло-
 вузодь книги Токбаха Système de la nature, не новы:
 на ише возриваешь у друмише писателей XVIII сзвущоуја,

-16

у Толанда, у Лавуазье, у Дидро и подчас даже у Вольтера (разумелся в сдвинутой форме и по вопросам, не касающимся деизма). Но дело в том, что в "Системе Природы" Толанда материалистическая мысль впервые получила систематическую форму и славянские были в изысканной догме, в законченный казенный, но, по мнению Козлова паразитом своим разжились, категории, неслись догмой: сакнтаний и колебаний Вольнодумцев замечены здесь религиозными отбоями, родки догм, ки - неуслаживаемыми и подчас ^{неприятно} постыдными заключениями. Книга произвела сильное впечатление во всем лагере вольных мыслителей. За нее высказался Дидро и некоторые последователи материалиста: "модно я закид книги", говорил Дидро, "это дело беднее прѣ, но, на шестую". Но деизм возмущал, и в том числе Вольтер. Вольтер отдавал должное искусству, с которым была построена "Система Природы", и в то же время этого еще больше сражился ее влиятель. Во-первых он не мог пропустить автору неумолимую критику деизма и геологии, этих понятий, с которыми спелось все мирозерцание Вольтера; он не мог допустить образования мысли, интеллигенции из сожжения одного вещества. Во-вторых Вольтер находил, что закат книги может сильно повредить делу философской пропаганды, ибо Systeme de la nature (Система природы)

оформилась не только философски, но и политически
радикализмом. Действительно, появление этой книги
(1770г.) представляло поворотный пункт в развитии
просветительских идей. Приблизительно с этого мо-
мента слабее всего философов и мыслителей, и во-
многом все размышления и размышления становилась
в отрицательное отношение к существующему государ-
ственному порядку. Из "Системы Природы" встает революционная
идеология духом. Метастазом, одним курьезом
с усмешкой писал Вольтеру об этой книге, которая, по
его мнению, приложима к французской революции. Ме-
тастаз Фридрих Великий, старый вождь и на-
стоящий (материалиста) Лафетр, переменился при появ-
лении сочинения Тольстаха и стал писать откровенно
новое научное учение. Философы в его глазах по-
шли против кредит. Мстительной немощью
последствиями новой философии, отныне стал осно-
ваться к прежнему традициям, стал даже покрови-
тельствовать иезуитам. К этому моменту относилась
известная фраза Фридриха: "если бы мне нужно бы-
ло наказывать какую-либо провинцию, я отдаю бы ее
на управление философов". -

"Толстода философов", издано писал в это время
Вольтер, "советы не отменяются лобового и закромь:
они нападают сразу на Бога и на короля, на попов и

на светныхъ сфера сего. Кто же будешь за ниль? Однако, опасенія Волтера не оправдались. Просвѣдительское на- правленіе все-таки захватывало все большее и большее вліяніе и находило мощную поддержку въ общесу- ветвенно сочувствіи. Вероятно, что, начиная съ 70-хъ годовъ, философскій радикализмъ идеть рука объ руку съ политическимъ, и связь эта крепнеть по мѣрѣ при- ближенія къ революціи. Философская парція въ это время насчетко сплотиваетъ и усиливаетъ, насчетко упрочаетъ въ общесуветвенной поддержкѣ, что она сим- фазь возможимымъ перенесеніи отрицаніе изъ области космологической въ практическую жизнь и уже не щадитъ своихъ презимихъ союзниковъ, просвѣдителей-монарховъ. Дрець и Зирани срановдженіи одинаково ненавистными помярдами.

Возь еще фразь, свидетелствующій о роль же пере- борозь. Въ 1773 г. докторъ Паризскаго университета за- дали на премію фелу со слѣдующимъ заглавіемъ: Такъ ли называемая современная философія одинаково враждуетъ Богу и королю? Тема надблала много шума въ философскомъ и литературномъ мѣрѣ того времени и вызвала множество живыхъ нападокъ со стороны Волтера. — Такъ новій оттъомъ въ развѣтїи философскаго движенія, которая обозначаетъ съ подвѣнїемъ „Systeme de la Nature“ Тольбаха. Въ этой

книжка Талбота казалась похвалить (кь утасу сзавель ден. сровъ въ родъ Волгера) научурализувъ ваше деизма, и извлекаль нрзъ вичушений природы, освобожденныхъ оузъ вливиий религии, основы, правехвенноаеги, благородства и благозворений.

Великое разнообразие интересовъ, оуручковъ, направлений въ золье сложномъ движеніи, которое соображенъ, посудъ обозначала общими Эпизодомъ просвотуизмънаго, важвало на свнрзъ такое множество изслѣдованій по вснмъ научнымъ оудиламъ, которое зрудно и обозреть въ снзоднмъ очеркѣ. Возь Кондиллякъ предсхавиль, наипр, полный курсъ, посуроемннй въ духѣ просвотуизма, ннхъ идей. X

Кондиллякъ и его школа.

Etienne Bonnot de Condillac (или Condilliac) ^{l'abbé de} Брагъ 1714-1780. извѣснаго аббата де-Мабли, родился въ 1714 или 1715 г. въ Тренобли. Онъ, сроднбвой дворянинъ, долгиемъ бнль сдѣлазекъ свѣщенникомъ; но рано онъ посвѣзиль себя изученію философіи, а именно изученію Локка. Кондиллякъ принадлежалъ къ группѣ Монтъ-Жака Руссо, Дидро, Даламбера, но векоръ удалиль оузъ ннхъ, потому что его знкой натуръ прозвнна била нхѣ дуйномоезъ. Въ 1746 г. вышло его сочиненіе Essai sur l'origine des Connaissances humaines, въ 1749 г. — Traité des Systèmes, въ 1754 г. Traité des Sensations, какъ дополненіе

последнего было Traité des Animaux в 1755 году.
 Кондильяк был наставником принца Пармского
 Доны-Фердинанда, племянника Людовика XV, и как закон-
 бой написал целый ряд предников, повторивших
 заодно слово в слово мысли его присутств ^{бывших} сочинений,
l'Art de penser, l'Art de raisonner, l'Art d'écrire, Grammaire,
Histoire des Hommes et des Empires. В 1762 году он
 обратился онды к спокойному уренному замедленю.
 Позже он написал Du Commerce et du Gouvernement
^{разнообразных отношений} consideres relativement l'un à l'autre 1776, и La Logique
ou les premiers Développemens de l'Art de penser 1777.
 Он умер 3 августа 1780 г. на своем политическом фило-
 (Фил) у Бозанкен (Baugency), 65 лет от роду. После
 его смерти вышла из печати посылка о философии
 математике, La Langue des Calculs.

Понимая под философией науку об отношениях
 человека к всему природе и к самому себе, еще
 Декарт высказал мысль, что, если человек есть мо-
 шель без улучшения, то средство к этому — только в
 медицине. Декарт говорил конечно об улучшении
 интеллектуальном и под медициной понимал то,
 что мы называем теперь физиологией. Локк, глава
 школы сенсуалистов, основывавший все на ощущениях,
 да и на опыте, обязан всею и точною своих
 философских выводов, об отношениях органов тела

къ мышлению — только тому, что они были доктором.
 Если кто и не высказал прямо, то всякая мысль —
 есть только ощущение, что представил догматическая до,
 казарелсера Этому, и глава французской школы сен,
 сцалмеровь Кондильяк еще больше развили мысли
 упреля обь Этому предмету. По его мнению, все способ.
 коеи души, какъ и все идеи, не больше какъ извѣтвен,
 ния ощущенія. Единственный путь къ познанию
 — анализъ. Онъ признаетъ существование разъ въ число
 первоначальныхъ фазовъ и держится урения Тассен.
 ди обь атомаль.

По поручению поускаго правительсва, Кондильяк
 написалъ классическую „логику“ для руководства въ
 школахъ. Главная сочиненія его: „Опыръ о происхожди,
 денн теловогеленнхъ знаній“ (Essai sur l'origine des
 connoissances humaines, ^{„Трактатъ о существахъ“} Traité des systèmes, 1749),
 „Трактатъ обь ощуще,
 нияхъ“ (Traité des sensations, 1754) и „Грамматика,
 искусство писать, искусство сообразовать и искусство мыс,
 лить“ (Grammaire, l'Art d'écrire, l'Art de raisonner и
 l'Art de penser). Кондильякъ, — популяризаторъ англ.
 лийской философии, разбившии урение сенсализма въ
 своемъ „Трактатъ обь ощущеніяхъ“ до послѣднихъ въ,
 водовъ, одилъ урне издалъ смитковъ двадцать томовъ,
 нъ которьхъ въ 13-зи (подъ заглавиемъ „Cours d'études
 du fr. de Parme“, 1769—1773) представилъ полный курсъ

наука, построенный в духе простонародных идей, предназначенный сначала для насильственного принуждения Кармского, который возмущался автором, но дававший возмозможность среднеазиатской подготовке каждому, желавшему принять участие в освобождении человеческого мысли.

Кондильяк, это - философ между философами, это - светлый и ясный ум, не принимавший никакого участия в суровой полемике своего времени. Это сочинения, подобно сочинениям Декарта в XVII столетии, Гюи, слуга философов выражением того самого направления, которое вызвало литературу его века. Подобно Вольтеру, он избегает крайних отрицаний и не проповедует ни атеизма, ни материализма. Он ограничивается тем, что выводит все наши идеи из ощущений, над которыми работает ум, очищая их, сравнивая, абстрагируя, упрощая, обобщая и в конце концов извлекая из них безконечный ряд суждений и ясных разсуждений. Это метод обобщения в одно и то же время и светлый, и ясный. Был сторонником мысленного XVIII века, срам неслыханный, но преданного анализу. Кондильяк не утруждает наблюдением факты, эту основу каждой науки, и не указывает на способы проверки и использования их. Он оперирует над одними идеями, каковы бы они ни были

и какимъ-бы путемъ они ни проникли въ геловоче-
ский умъ. Общій недостатокъ вековъ мышления того
времени заключался именно въ томъ, что они недо-
статочно замечали основные принципы своихъ
разсуждений, игнорировали, презирали, дурно наблю-
дали факты и поспешно предполагали, что этотъ,
субъективный сообразительный идеалъ. Но зато это
были несравнимые аргументаторы.

Система спорна Континьяка заключалась именно
въ его умственномъ разсужданьи. Это, пресиде всего, — логика.
Онъ училъ насъ созавлять о бытии идею Мирти делья,
логичной и сверхъестественной идеи. Онъ заставлялъ насъ
слышать за естественными генезисомъ идей, за парал-
лельными развизиями ихъ бытийными знаками и чка,
добавлять намъ на языкъ, какъ на „чужестное орудие
анализа“, облегчающее все больше и больше работу ума
своими абстрактными терминами, въ которыхъ собраны
коллекции идей, и своихъ механизмовъ, въ которыхъ
выражаются ряды отношений¹⁾. Умственные операции,
это — алгебра, въ которой буквы означаютъ слова; сущ-
ностей, это — алгебраическая уравненія, а создаваемые
термины суть абстрактные, идеальные предметы. Ни,
это неслышно лучше увидишь, только у Континьяка, поче-
му, въ XVII столетии, французский умъ изгонялъ изъ
своего мышления бедную конкретную реальность, а

1) Здесь я только резюмирую одну изъ страницъ ТТЗта. СРАВ.
Taine, les Philosophes classiques du XIXe siècle, chap. I. См. и историю
французской литературы Тюрбава Лансона.

снегобаранство и всякий типичный фразы, являющийся, ся материалом искусства, — и почему поэзия могла быть тогда зольско умеренной игрой, регулируемой условными правилами.

Кондильяк, это один из необыкновенно счастливого подбора новых методов научного и общесудебного движения, придавших ему особый блеск и сформировавшихся силе для общего труда. Все это под нами великая надежда, и нередко свидания зольского дружба. После безрадостной молодости дружба почти одновременно высунули на наследиях наук. Дидро приобрелась громадное значение Энциклопедией, Руссо — блестящими и парадоксальными «Разсудочными», Даламбер — математическими работами, рано открытыми перед нами двери академии, Кондильяк — «Трактатом об ощущениях». Коль зольские новые методы дали примкнули и единомышленники с ними во многом представили сарматского поколения.

La Mettrie. Коль этой же школы принадлежал La Mettrie, которого мы уже коснулись у Вольтера, во время его пребывания у Фредерика Великого. Ламетри род. 25 декабря 1709 года в С.-Мало и учился в Геймсе, а позже в Лейдене под руководством Бургава (Воскнаве) медицины. Эголь доктор и философ, ученик Бургава, писал сначала сажиры на фран.

узских врачей; ^{подуриденный,} (как онъ самъ признается, главными образцами философии послужили (Pensées philosophiques) Дидро, Ламурри написал „Возвешенную метафизику души“ (Histoire naturelle de l'Âme, 1745), результатъ на „Блюденія надъ самимъ собою, во время продолжительной болѣзни. За эту книгу его исключили изъ францужеза французскихъ докторовъ и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Толландию, гдѣ написалъ второе сочиненіе „Теловѣкъ-машина“ (L'Homme Machine, 1746), за которое его изгнали и изъ Толландіи. Онъ удалился въ Пруссію, гдѣ Фридрихъ Великій приблизилъ его къ себѣ, сдѣлавъ зтого Эскъ-медика своимъ членомъ и членомъ академіи. Въ Берлинѣ Ламурри написалъ „Политику доктора Макиавелли“ — рѣзкую выходку противъ докторовъ; „Теловѣкъ-расчленіе“ (L'Homme Réparté), „О происхожденіи символовъ“ (Reflexions sur l'Origine des Animaux), „Метафизическая Венера или метафизическая душа“ (Vénus métaphysique), „Искусство наслаждаться“ (L'Art de jouir), Трактатъ о счастливой жизни Сенеки съ Анжисетского или Рюга о счастіи (Traité de la Vie heureuse de Sénèque avec l'Antiséneque ou Discours sur le Bonheur), Система Эпикура (Système d'Épicure) и Краткій очеркъ системъ (Abrégé des Systèmes). Все эти сочиненія вошли подъ однимъ заглавіемъ Oeuvres philosophiques въ Лондонѣ (Берлинѣ) 1751 г., въ Амстер.

даже 1764 г. Умие заглавия Этимь сочинений обозначаютъ
характеръ поэмь.

Къ кругу энциклопедическому принадлежали также: Сен-Ламберъ, Фридрихъ Мельхиоръ Триммъ и Лагарть. Шарль Франсуа, маркизъ Сен-Ламберъ (1716-1803), извѣстный какъ поэтъ, своимъ описательнымъ стихотворениемъ, Времена года. Такого рода описательную поэзию мы встречаемъ и у другихъ народовъ. Первой, которой Этимь соименъ (времена года) обработалъ, ^{въ свое въ. The Seasons} былъ англійскій поэтъ Джонъ Милтонъ (1700-1748), за нимъ слѣдуетъ лиховскій поэтъ Кристьянъ Домалициусъ (1714-1780) со своимъ „metas“ и немецкій поэтъ Эвальдъ Клейнеръ (со своимъ „Der Frühling“ и, наконецъ, Сен-Ламберъ со своимъ „Les saisons“ (Времена года). Маркизъ Сен-Ламберъ и извѣстенъ, какъ философъ-эссеистъ, своимъ „Всеобщимъ казехи, зисонъ“. Фридрихъ Мельхиоръ Триммъ, родомъ изъ Геленъ, Бурга (1723-1807), въ первыхъ своихъ описалъ бывшій поклонникъ Тозмеда, стѣлался въ Парижѣ изда-
телемъ знаменитаго вѣдѣтельнаго органа „Литературъ, надъ корреспонденция“, который, получаясь при вѣдѣхъ усвоившихъ французскій духъ дворянъ, привлекалъ на сторону принциповъ рожденной французской либералъ, зурь владѣтельныхъ оеодъ и дворянство и возбуждалъ, да въ нихъ поддержать къ ея прѣдставителямъ. на,
конецъ Лагарть (1729-1803), эссеистъ, критикъ, авторъ

1) St. Lambert

2) Les Harpe

академических похвалных речей, ученик д'Аландера
и подражает Дидро в своей мелодраме „Мелания“.

„Наиболее французская поэзия периода
просвещения.

Если, говоря вообще, французская литература в фи-
лософский век, или в век просвещения, отличалась
характером официальности, так что даже поэтические
произведения должны были подчиняться идеологическим
требованиям, то все же, наряду с этим, продолжалась сущая,
свободная поэзия, хотя, правда, она не стала
на себя влияние духа французской эпохи Людовика XV.

Мариво (Marivaux, 1688—1762), автор салонных рас-
путных нравственных комедий („Мрачный“, „Менюа-“
риэ“, „Ложная признания“, „Завещание“), имевших не
малый успех на сцене. В прозаическом Мол-
еру, осмеливавшейся крупные недостатки и пороки совре-
менного общества и рисовавшей им крупными и
резкими чертами, Мариво рисует мелкие недостатки
и слабости людей: любвное самолюбие, кокетство, лю-
бовную ролю и т. д. Мариво можно считать родою,
галантиком эпохи салонных водевилей, которые, под
именем провербов, были в большой моде во Франции
в 30—40-х годах и в которых особенно прославился
Альфред де Мюссе (1810—1857). Совершенно эпоху, Язык де Мюссе
Мариво отличается крайней искусственностью и узостью.

Marivaux

1) Писловина // Заблудившись в лагунах литературы подражал езу и Мюссе.

Французская история литературы XVIII в.

Дом и против
 священного журнала, За и против, писаль романы
 по английским образцам (между прочим, История Кле,
 беланда, побочного сына Кронвейда); но особенно важн,
 по его мастерское произведение, характерно француз,
 ский романъ История кавалера де-Триэ и Мамонъ Лес,
 ко, охлывающий, при крайней своей фривольности
 и самым легкомысленным воззрением на жизнь, бо,
 газетным злым глумель и сурасности и есесувет,
 посто изобразений.

Мамъ Грессетъ Луи Грессетъ (Joan Baptiste Louis Gresset,
 1709-1777), авторъ восхищательной повествовательской
 поэмы, Vert-vert, описывающей трагическую судьбу вос,
 тиганного въ шенскомъ монастыре попуга, и ха,
 ракурсеричной для нравовъ того времени комедии
Злой человекъ или проза Злой (Le Méchant).

Gresset

Въ соблазнительныхъ разказахъ и романахъ млад,
 шого Кребиллона (Crevillon, 1707-1777), между прочь,
 рынки заморезельные Содра и Успехи сердца и ума;
 въ прозаическо-комическихъ разказахъ сластолюбивого
 аббата Грессуръ (Grécourt); въ новеллахъ Резира деля
Бретонъ (Rétif de la Bretonne, 1734-1805) — француз,
 скав поэзия все глудне погружала въ бездушную сфар,
 теской скадрезности. Самая лучшая и близость съ зломъ
 самая постоидная книга. Въ зломъ родъ появилась те,
 редь самой революцией. Приключения кавалера Фро,

Crevillon

Grécourt

de la Bretonne

1) бывший монахъ изъ иезуитовъ, отъ зонко посмелся похоло
 надъ монашествомъ, какъ авторъ шуточной —

Louvet de Couvray Бласа́ Лювде-Кувра́ (Louvet de Couvray, 1760-1797.)
 были последними словами старого французского общества и еще раз явились острастием всего Блеса, и лишь доукомплектовать этого общества, но, в отличие от Жюль, и его неминучего и безусловного разложения.

de Florian Жан Пьер Кларис де-Флориан (Jean Pierre Claris de Florian, 1755-1794) по словам Ладонжера сдался баснописцем, в своей прелезной идиллии "Дуэлла" описывал умирающую пасторальную поеди и, кроме того, написал нравственные романы, "Вангелель Шель", "Гуна Потиниль" и др.

Французская драма XVIII века.

После великих трагиков XVII столетия, Корнель и Расин, французская трагедия видимо падает. Последующие трагики лишены драматического вдохновения и только и делают, что доводят до крайних предель матерю Корнель и Расина. В французском комедийном слугаеся за те самое. После Мольера она тоже особенно не развивается.

I Трагедия. В XVIII веке, под влиянием ожесточенной борьбы старого с новым или нового со старым, фр. трагедия принимает геденциозный характер; авторы не столько думают о художественности своих произведений, сколько о том, чтобы зарядить свои трагедии символами зарядом разрушительным, как называет,

мысль и названья, просвѣдительскихъ идей, всегда
 встрѣчаемыхъ съ восторгомъ болшимъ числомъ публики.
 Таковы зрѣдиди Вольтера, „Дидѣ“, „Кагомеръ“, „Тѣбри“
 и з. п., въ которыхъ отъ зрѣдиди деспотизмъ, суетворіе,
религіозный фанатизмъ, похвѣ гилмъ свободѣ и зер.
нимосци и з. д. Въ эпоху Революціи зрѣдиди при.
 нимаютъ еще болѣе агрессивный характеръ. Возод.
 новляюща пѣсы въ родѣ Вольтерова „Брука“, пода,
 вавшій поводъ маржеру при всякой либеральной
 выходкѣ кричать: Vive la liberté! — или сзавается
 пѣсы въ родѣ „Фоанна Безземельнаго“ Дюси или
 „Карла IX“ Мозера Шенсе“, гдѣ предаются позору дес.
позизмъ королевской власти и фанатизмъ духовен.
срва.

Joseph
 Chénier 1764-1811

II) Комедія. Переходимъ теперь къ французской ко.
 медии послѣ великаго, гениальнаго комика Мольера.
 Знаменитѣйшими изъ послѣдователей Мольера въ XVII
 вѣкѣ и въ началѣ XVIII вѣка были Мать Фран.
сца Ренсвръ и Ренѣ Лесажъ. Первый изъ нихъ въ
 двухъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ: „Le jouet“
 (Игрушкѣ) и „Le distrait“ (Разсѣянный) пытался создать
комедію характеровъ, но довольно неудачно; второй
 оставилъ двѣ комедіи: „Криспиданъ, соперникъ своего
господина“ и „Пюскардъ“, въ которыхъ вывелъ на сцену
 два новыхъ типа: лакея, желавшаго разыграть роль

У или „Слуга соперникъ“

Барина и воспользоваться приданным невтерпеж своего
 господина, женившись на ней, и финансового дельца,
на эпохи Регензтва, который, прикрываясь личной
 общесуветной пользой, надубает и эксплуатирует
 ветель до злых порь, пока его содуренный лакей Фрон,
 зель не разорвет его самого. Несмотря на то, что
Пторскарэ называють Парзюпрофоль финансового мира,
 песса Лесама не муть назвать комедией Карактеровь.
 Гораздо больше заслуживають этого названия комедии
Филиппа-Нерико Дезюша, самая заглавная козороль
 „L'Ambitieux“ („Гезомлобелъ“), „Gloireux“ („Мисслав,
най“), „Le Dissipateux“ („Расроизелъ“) показывають,
 что мы иметь дило съ одиимъ зипомъ въ родъ
Мизантропа, „Скупого“, „Донъ-Мюана“ Мольера. Нтъ,
 мезкий кризисъ Лессинъ въ своей „Тамбургской
Драматургии“ слишкомъ переоцньиваетъ (по мнанию
 Н. И. Сороженко) знансие Дезюша, уверндая, что
 Дезюшь въ своихъ комедияхъ далъ намъ образцы
 больше изыснато и высокаго комизма, чьмъ зомъ,
 какой мы находимъ у Мольера. Но это несправед,
 ливо. Главное, чего нтъ у Дезюша, это комической
силы, веселости и мольеровскаго искусства зворизъ
 живые характеры, въ козороль зипическое сливалосъ
 бы съ индивидуальность, воуь погему Вольтеръ
 муть полное право сказаь о немъ (Дезюшь), что

изъ всѣхъ комическихъ писателей онъ наименѣе
комическъ (le moins comique).

Говоря о французской комедии XVIII столѣтiя, неслѣдуетъ забывать произведенiя Мариво, рисующаго въ своихъ комедiяхъ мелкiе недостатки и слабости людей: любовное самолюбiе, кокетство, любовную робость и т. д., и белоречивiе своего крайне искусственнаго и утонченнаго языка получившаго весьма харак- терное прозвище le marivaudage.¹⁾

III Реформа драмы. Нужно еще упомянуть объ од- ной изъ особенностей, которая принята въ XVIII в. французская комедiя, главнѣе образцы, подъ влi- янiемъ английской буржуазной трагедii и рома- новъ Ричардсона; это з. н. слезливая комедiя (co- médie larmoyante), главнѣе представителемъ которой былъ Нивелье де ла-Моссэ. Въ самой знаме- нитой изъ своихъ комедii, Le Préjugé à la mode („подлый предразсудокъ“) авторъ гордо верунается за драматический союзъ, совершенно погрѣшенный мел- скими предразсудками эпохи Регензверва, въ силу которыхъ были хорошии мучены или второй женой считалось только во французскихъ и итальянскихъ. Поставъ Нивелье де ла-Моссэ главнѣе пред- ставителемъ буржуазной драмы или „слезливой комедii“ были знаменитый энциклопедистъ Дени

1) Но о немъ мы уже говорили у поэтовъ наивной французской поэзи периода просвѣщенiя.

часовщика. Съ дѣтства онъ привыкъ полагаясь на
 свои силы. Да и было ли у него настоящее дѣтство.
 Школьная пора кончилась на тринадцатомъ году, и
 все, что онъ впоследствии зналъ, конечно, приобрѣлъ,
 зеню было не у скромнаго учителя деревенской шко-
 лы подъ Нариманъ. Во время размовки съ оцѣмъ
 и дѣтства изъ дому онъ уже живетъ самостоятельно,
 когда онъ возвращается подъ родной кровъ, старикъ
 Каронъ, въ характерѣ козорого уже криликъ, точно
 въ зародышѣ, германскости сына, соглашается
 принять его лишь послѣ заключенія формальнаго
 договора относительно его образа жизни и участія
 въ работѣ, — и юный Пьеръ-Огюсть формально под-
 писываетъ князвенное обязательство слушаться и рабо-
 тать. Во все это время онъ кропаетъ слезы, брешитъ
 на арфу, влюбляется какъ взрослый и суровый возду-
 шикъ замки. Едва вышелъ онъ изъ охотничьяго, уже онъ
 принужденъ энергически поспѣвать за собой. Возьмъ и въ
 ремеслѣ оца онъ обнаруживаетъ необыкновенный
 талантъ — дѣлаетъ какое-то усовершенствованіе въ
 часовомъ механизмѣ, и когда другой часовщикъ, царь
 вѣкъ парижскихъ часовщиковъ, вздумалъ приписать
 себя всею его охотничью, то Томаше вступилъ съ нимъ
 въ борьбу, зовя въ противника къ суду общенароднаго
 мѣстнаго, прибѣгая къ журнальной гласности, по-

Буддаевъ академію разсмотрѣвъ оба изобрѣженія и
 оудаче предмете ему. Эгожь первый дедовъ етъ,
 лань мнѣ за-разъ на псковскихъ поприщахъ; въ
 бурьѣ жизни онъ выказалъ себя храбрымъ бойцомъ,
 въ умѣнствѣ всехъ процесѣхъ обнаружилъ свойства
гениальнаго адвоката, которыя впоследствіи такъ
 пышно развились у него, — наконецъ, показалъ
 редкое искусство — пользоваться малѣйшими пово-
 доми, чтобы продвинуться впередъ. Онъ пошелъ пря-
 мотомъ дорогою и былъ счасъе шурновъ, о немъ
 говорили, мнѣ интересовались; онъ улучилъ личицу,
 когда соубервие было всего горячее, добылъ грядуща,
казовъ при дворѣ, исполнилъ ихъ на славу и вско-
 рѣ получилъ званіе придворнаго часовщика. Не,
 перъ въ качествѣ королевскаго часовщика, вращал-
 ся онъ въ той сферѣ, куда попадае мечтавъ зюда
 всякій искажетъ фортуны, зная, что зухъ коренъ и
 начало служебной карьеры, всевозможныхъ под-
рядовъ, окуповъ и концессій. Съ зюй личица онъ
 уже загозился низменными кругами претней дѣвъ,
 желстности, рвездя неудержимо впередъ и впередъ. Но
 привычки и взгляды навсегда оцались у него демокра-
тическими, они оба съ оуномъ рано начитались
писаніи новыхъ философовъ на зюжь сездъ. Кромя
 зого придворнаго круга, сношенія съ зюажно для него

золото промежуточная сфера. Безправное мещанство,
 сего занять его внизу; без дворянского диплома отъ
 не пользоваться ни малѣйшей должностью, если золото
 неспособно занять его въ эту сферу; недолго можно
 бы наверстать финансовою спекуляцией, но это не
 начинать безъ денег!

Черезъ московско мѣзь у него все добыто: и деньги,
 и дворянство. Интересный юноша до того платилъ
 жене Франкэ, одного изъ своихъ заказчиковъ, что она
 убедилъ мужа передать ему небольшое свое мѣсто
 въ придворномъ шарахъ, а едва умеръ мужъ, вышла
 за героя своего романа. Любилъ ли отъ ее хоть сколько,
 кто-нибудь, или же искалъ золото опоры въ позоръ
 за удачей? Письма Карола изъ этого времени позво.
 лять скорее решить вопросъ во второмъ смысле.
 Отъ вовсе не расположено былъ удовольствоваться
любовными восторгамъ, но въ десять мѣсяцевъ, ко.
 горое отъ провелъ съ первою женою, успѣлъ искупить
 въ ходъ разныхъ приключенъ, тогда добылъ деньги. Мужъ
 его пѣвничой подружъ былъ пресиде контролеромъ въ
 армии и пользовался многими беззримыми до.,
 ходами, дѣлалъ съ зоварицами. Смерть похитила
 правительству дѣлѣнцу, и преемникъ сѣраго Франкэ
 захотѣлъ добыть изъ рукъ отпущеннаго казнокрадовъ
 присвоенная имъ суммы. Дѣло это, не легкое дѣло

улигающую документовъ, было превосходно проведено. Каронъ оказался выдумщикомъ необщественнымъ. Онъ изобрѣлъ никогда несуществоващаго аббата, и оу имени его писалъ къ коллегалю ^{покойнаго} Франкю, къ письма, заявляя, что ему все известно; дели, каковыя подробности, узнавныя оу жены, были ар. зисригески пущены въ ходъ; вторно схвачены и на, достойнъ зонтъ, подобающій духовному лицу. Меню, галлесъ заездиливые браслеты медовки. Каронъ съѣздилъ къ одному изъ ниль въ Версалъ, какъ эпископъ саръ оу аббата, пригелъ въ задавной шипровиза, цин передавалъ его ртотн, и съ зорисеувономъ при. возъ домой девязусоуъ ливровъ. Такиль образомъ завелись деньги, как-какое мнѣно, а старое мнѣшанское мнѣ Карона облагородилое прибавкою на, званія поинтсера, принадлежавшаго президе Франкю, къ, и молодой сурпуль подписывался генеръ небезъ Доррекса: Pierre-Auguste Caron de Beaumarchais.

Но счастье уладилось ему не долго; жена его умерла внезапно. Начался процессъ изъ-за ея наслѣдства, не оставившій Бомарше ни малѣйшей расхитки ея соединитя. И такая развязка поразила его не менше, чѣмъ родсвенниковъ жены, козорне, изъ медовки, рия къ соблазнилъ ея, впервые пусдили въ ходъ наметкъ на озравление, нѣсколько разъ выдвигавшійся

подобно и при смерти второй жены, умершей через
два года после брака. Въ пушкинской есть спра-
шиваетъ Моцарта у своего соперника: „Правда ли, Са-
мери, что Бомарше кого-то оздравилъ?“ и Салери
отвѣчаетъ ему почти буквально такъ, что онъ оздравелъ
Волсгеръ на подобный же вопросъ: „онъ слишкомъ
былъ слабымъ для ремесла такого“. — Моцартъ ви-
днвъ другое оправданіе: „Теперь и злодѣйство — двѣ ве-
щи несомнѣнныя“. Къ тому же по слову Бо-
марше были познаны съ обѣими жеманницами, со вре-
менемъ сталъ даже сентименталенъ; не было повода
ни къ извѣстиямъ, ни къ мезежамъ. Кроме того есги и со-
всѣмъ прозаическій аргументъ въ его пользу, — безпо-
лезное оздравленіе, ни смерти первой жены, ни
музыкальные роды второй не только не поправили
положеніе Бомарше, но оба раза оставили его въ
состояніи судебныхъ обстоятельствъ, съ долгами и про-
цессами.

Оубоженный отъ къ исходной рогкѣ, отъ слова
вскричалъ свой сидирова камень. На зрѣніе разъ разсказъ
былъ сделанъ вѣрно и точно. Отъ рашии подойти
къ Королю черезъ земли, и много черезъ гери до
герей Людвика XV, mesdames de France, сара дѣвѣ,
уныло влачивши свой вѣкъ среди небольшого при-
дворного шара, напоминавшаго судьбы дворникъ.

Некрасивая, мало развитая, с озуныком ханжесва,
 отню не подходили къ общему тону светской жизни,
 показывались редко, коротали время музыкой и на,
 боживиль эстетикой. Скука царил у нихъ полнѣй-
 шая. Проникнувъ въ эгоизмъ сонной улолокъ, Бомар-
 те сго ошибиль своимъ стихомъ, разказами и шут-
ками, маскерской игрой на арфе - гитарѣ; его полю-
 били все кезаре сзарая двобы, а одна изъ нихъ, та,
дате Victoire, собственъ увлеклась. Невижно кокеу,
 никакъ съ нимъ, отню эксплоазировали его, поехоян,
 но зредуя новыхъ развлечений, книжъ, поэзъ, инстру-
ментовъ; приходилое добиваеъ все эго, часо не имья
 денегъ и закладывая что-нибудь, чтоо исполнить
 капризъ покровительницъ. Но Бомарте зналъ, что
 рано или поздно, эа нелегкая служба приведетъ
 его къ цѣли, и ферталиво идаль. Новое дѣйствую-
щее лицо, ^{фигура} надѣлго вошедше въ его жизнь, ускорило
 спелантвй милъ. Это были Пари Дюверне, канижа,
инстру-кулакъ, предсавитель продвигавшейся рода.
 въ первые ряды финансовой арисокраци, пока еще
 надиравшейся изъ рядовъ разбогачившихъ подряди-
ковъ и оукунциковъ. Эгоизмъ новый покровитель Бо-
 марте, подрядникъ на армию, былъ когда-то ^{подлинно} половой
 въ деревенскомъ фракцирѣ, завладѣль внотподсвѣи
всѣмъ военнымъ хозяйствомъ Франци, влиель на

политическiя шифры, запрося бестошавать си самими
Модовикомъ XIV. Паря Дюверне въ ту пору, когда его
узналъ Бомарше, зомилея издѣлкою Богадсува, кожо,
раго не зналъ куда дѣвать, — такъ болыинного герод
пригидала къ землю непомярно-грузная его сила.

Подобно созиная факиль сурайныхъ богаей, они
мобиль трауръ мещеножа, шержвоваль направо и наль.
во и массу денегъ заградили на устроисево болшого
военнаго училища. Но что отъ ни начиналь пош,
ефи благозворенiя и самохвалосева, ему не удавалоея
приблизирея къ Модовику XV такъ, какъ это бывало
со сфариль королеми. Очевидное нешеланiе монар.
ха огласливирея своимъ постыщенiемъ военнаго шко.
лу раздражало его. Эра забода превразилая у Дюверне
въ ланито и отъ гофовъ биль озолорирея того, кожо снать
би се съ его души. Бомарше, шуря, оказалъ ему не,
забвенную услугу. Созило попросирея принцесса,
и отъ подивали въ училище, расхвалми ого ко.
ролю, — и, наконецъ, насталь великiй день, — король
постыдилъ училище. Дюверне биль въ восхищенiи,
заго ознать судьба Бомарше надолго обезпечена.

^{уверенно, вероятно}
Сношлѣной сфариль, самъ, самъ своихъ дѣль, разгадавъ
въ своемъ молодомъ знакомомъ восходящую звезду, по.
няль, скаиско въ нель зашлоя предприимчивоси и
сраль направляя его первые шагъ въ финансоваль миръ.

Бомарше нужные были средства, — Дюверно щедро считала
 ему добрым сумми, дала же его пайщникомъ въ различныхъ
 операцияхъ. Не довольствуясь деньгами, Бомарше все
 еще добивался уравненія своихъ правъ съ привилеги,
 равными же баронства, которое даже на Дюверна смол,
 было свысока, какъ на висконту, и только преклоня,
 лось передъ силой капитала. Новымъ покровителемъ помошь
 ему приобрести за крупную сумму зидель королевска,
 го секретаря, доставившии ему, наконецъ дворянство, по-
 мощь ему сделаться даже вице-президентомъ одного
 изъ безполезныхъ и уродливыхъ учрежденій старого по-
 рядка, ордена суда по браконьерству и незаконной
 рыбной ловле. И впрочемъ теперь засталъ Бомарше въ
 своемъ шифомъ наряде, судилъ и рядилъ надъ своимъ,
 бывши арестокрамомъ, всего гайзе нарушившими закона
 объ охоты. Впоследствии Бомарше члнть въ комисси,
 гески вспоминаетъ о своемъ превращеніи изъ подма,
 сфера въ главу знаменитого трибунала. Въ то время эго,
 взятое съ бою, сословное уравненіе его очень прѣмало.
 Теперь онъ повелѣвалъ десятками виновниковъ дво-
 рянь, кинувшихся своимъ происхожденіемъ. Это мно-
 го разе ^{вотъ, вотъ} корнн мѣщанство, члвнмлетного приги,
 нали ему оскорбленія, завистливне придворные про-
 сили, напр, у него пудлнмо совѣзовъ относительно
 своихъ гасовъ; подгнтенные отказались — было случилс

1) одного изъ наль онъ прочилъ гль, что, взявъ посмотрѣть
 гасы, уронилъ и разбитъ нль.

подъ начальствомъ пледет, но онъ зло осмысливъ иль
 прихвзавий въ бумажкѣ къ своему начальнику, раскрывъ
 собственъ иже пледетское происхождение и даже земное
 прошлое Болтинскаго просиделъ. Онъ совершенно
 презво сморзель на дѣло, но твердо держался за свой
 ключокъ пергамента, и модилъ босилъ своимъ прозивъ,
 тиковъ заявленіемъ, что онъ за наличный денги ку,
 ниль сѣбѣ дворянство на законномъ основаніи.

Въ 1764 году Болтинскіе оузились въ Мепаним, зтобы
 оузились за поруганную гезу своей сесуры. Какой-то ко,
 барный гудалго, обѣщавъ спетирься на его сесурь, осиль,
 милея оузупили и искаръ разрива. Кромѣ защиты сесуры,
 Болтинскіе генеръ предсавлялась возмозимое по пробовае
 сласурь въ старомодной за холцурной Мепаним, схранъ
 навѣтисеува и произвола. Защита гезу сесуры ослози,
 ниласъ и вскорѣ зарылласъ усилетного фабрикацію
 проектовъ и подборомъ подхоловциль модей дѣл иль въ,
 полоненія. Гезура не была зода распускарющися извоар,
 коиль; Клавихо, козорый впоследствіи приобрѣль нѣбосеу,
 моуе и въ научнѣ, и въ политикѣ, и уне смиталей не,
 дтожиниль журналисткомъ, не болъ безавѣсниль раз,
 брауникомъ, какиль онъ высудиласъ въ разказъ его
 прозивника. Это болъ скорѣе мертшизельномъ, слабый
 волею селадомъ, козорому размыравиласъ дѣвушка, ена,
 тала онегъ его заинтересовавиласъ; онъ передалъ бивазъ

и ея замужней сестры, и совершенно ^{успешно} сручевался бы,
 еслибы, изъ далекаго Париза, какъ болда, не узналъ
 среди семейной драмы искупить. Случившейся измены
 отъ обещанъ сохраняя слова, снова появился въ семье
 двубушки, но вынужденное согласие сруило ему великую
 цени; цени сруала слишкомъ явкою, и оны безпомощъ,
 но искалъ выхода. Взбуненный Бомарше рѣшилъ раз-
 давить второпного соблазнила, ударилъ въ набавъ, добель
малоду до короля и министровъ, минимъ Клавихо мъста
 и засрабилъ надалго скригъся изъ Мадрида. Но изъ обли-
 жения съ королю и министровъ, Бомарше хочка
 не рѣшилъ изблечь болше освзательную пользу; да у
 него въ карманъ съ самаго начала были рекоманда,
 Цин изъ Париза, козорили оны предусмотрительно за-
нася. Зорко разглядчель оны составъ высшаго Мадридска-
го общества, почкъль бездарное гленовъ кабинета, сла-
бость Карла III, козориль управляль камердинеръ фран-
цузъ, и рѣшилъ присудитъ къ дѣлу. Оны составилъ
проектъ французской компани для устройства замор-
ской торговли съ колониами. Схватившійся зартъ
какъ и мелкаго въ этомъ проектъ: монополія и
контрабанда, національныя французскія выгоды и
торговля неграми, газетный бурный и организация
подкупа владельныхъ испанскихъ чиновниковъ.
 Однако проектъ этомъ похертилъ неудачу въ собрать

по индийским делам? но на стьну уже говорю было у Бонарше десагь дружнаго, и по мезамь, и по коло, нямоньмь вопросам, по доставкь припасовь на Май, орку, по подрьдамь на армю, по колонизацимь Сьерры Морены. Въ займь Бонарше надьялся достигнуть еще болшого — заручиться для французскаго правительсва неограниченномь влянїемь на испанскую политику, сдѣлать необходимомь лицомь для герцога Шуазеля и позомь предвинуется въ Паризь, или же, охраняясь въ Мадридѣ, направляетъ черезъ подрьчїемь вѣсть дѣла въ Испанїю.

Но все это вышло слишкомъ тонко и коварно, не пошла въ ловушку ни мадридское министерство, ни Шуазель. Волшебная видѣнїя, носившаяся передъ него, лень, ондѣ разлетѣлись; пришлось покинуть Испанїю. Но внезапнїя, вынесенная Бонарше изъ испанскаго штурга, не все же были прагматнаго свойства. Онъ все таки одно время былъ геросомь днѣ, передъ нимъ открылось знаменое салоно, онъ былъ часомь посольствемь русскаго посольсва, гдѣ у Бузурлима шла всегда болшая игра; посоль и его жена чужь не носили его на рукахъ, къ соблазну ^{сестрамь} дружимь дипломатовъ; молодая Бузурлима писала въ честь его французскїе стихи, вѣтсуеть въ немь, княземь Менцерскимь, своимь мужемь и шведскимь посломь разогривала модную тогда оперу Руссо:

„Деревенский колдунъ“ (Le devin du village), Букурм, на тала Аннезу, Бомарше-Лабана... Средний кругъ, куда открыла ему досудить себя его сестры, и народная жизнь еще сильнее привлекали его. Въ писемъ къ оному онъ высказывалъ желаніе кореннымъ образомъ изгнать испанскую народность, обман, развлеченія, танцы, музыку, онъ записывалъ поговоры, запови, псалмъ, гимны народныя и пьесы-романсовъ.

Въ то время, какъ Бомарше былъ занятъ „Севилья, или Цирюльничка“, не выходящая, а находящая драматическая съ сентиментальными эффектами, козловъ не при, думаетъ и досудителю ^{fin de siècle} вообразительно, взъешилась въ его жизнь и прервала всякое убожество. Слелсе снова оубражилось оубъ поэта. Его неизлечимый покровитель, Пери Дюверне, умеръ, въ послѣдній разъ позабывъ, шилъ оубо пурдалъ: Дюверне оставилъ Бомарше ^{интересъ} займъ, ^{интересъ} образно на расширение дѣль 75,000 франковъ; кромѣ того, поругалъ своему наслѣднику, ^{графу Лабаинъ} выплатилъ Бомар, 23,000, недогаданные по претимымъ операциямъ, и пере, даръ ему на память большой порѣзъ Дюверне. Не, значительное завѣщанной суммъ, въ сравненіи съ громаднымъ оставшимся капиталомъ, казалось, не могла бы сражъ пободать къ оспариванію завѣща, ния. Плелъ и шилъ Дюверне, графъ Лабаинъ, сразу дѣлался однимъ изъ первыхъ богачей, а вселъ извѣст,

ная близость сариска къ Бомарше досаждоно оправда-
 бала померзшую ласку. Но именно эта близость
 поспешно разобщала двухъ соперниковъ, до того, что
 они не могли больше переносить другъ друга, а теперь
 пришлось бы не только разъ выплачивать деньги, но по-
 сродни въдаться съ Бомарше, козорого Дюверно при-
 звалъ своимъ пайщикомъ по своду шикотского мѣ-
 са. Это было ваше снѣ Лаблаша, и онъ обвинялъ
 возрѣвнннмъ искалъ въ 50,000 франковъ и обвиненіи,
 емъ въ подложкѣ документа, въ виду того, что банкъ из-
 ложена забвѣщаеелемъ не одобренноручно, а погер,
 комъ Бомарше, и только скрѣпленъ Дюверно. Въне,
 затно нагавшіиъ процессъ злобыце насруналъ
 на человѣка, беззабодно подбиравшаго испанскіе ко-
 зивы для своей комедіи de sаре et d'еріе (de sара у
 еврада, плаца и штаги); онъ зналъ характеръ про-
 зивника, и ему передали ^{завѣщаніе Лаблаша} похвалбѣ Лаблаша, что
 онъ скорѣе заградишь соуди засядѣть, чѣмъ выплаишь
 ходъ грошь нелодяю. Бомарше попыдался стачала
 достигнуть соглашенія, но прозвнннмъ презривельно
 озвернннмъ эту попытку; тогда, бросивъ все дѣла, Бо-
 марше лично повель своего защнну, писалъ проше-
 ній за прошеніями, поиродовалъ заручнннмъ ре-
 комендаціею принцессе. Вдрузь на него, еще не
 одолѣвшаго одной бѣда, обрушннлае новая, именно —

ужиналось, слышалось передь его глазами. Любов-
ная свистка съ герцога де-Шонь. Спасливый сопер-
 ник давно кму знакомого герцога въ любви ничтож-
 ной оперной невиды. Бомарше неоскорочно взялъ
 ея сторону, когда ревнивый герцогъ сжалъ преследовате-
 ля, не скупясь ни брань и побой. Но де-Шонь было еще
 опаснее раздражать, чьмъ Лаблаша; способный доходить
 до бешенства, ^{необыкновенный} и въ то же время безна-
 казанный по своимъ свядель, онъ игралъ всякъ без-
 умышленки выходками. Бомарше едва не рдмался его
 жертвой.

Возь ^{який} фразь зьтврскаго самоуправства, де-Шонь бри,
 ваясь къ вьроломной красавицѣ; заставъ ее еще въ
 постели, дѣлаеъ ей сьратную сцену и вьдвогаеъ искаеъ
 Бомарше, чьмь его удивъ. Предупредительный на ум,
 цѣе другомъ, поеъ оужабаеъ ся скрѣся, служба зверь
 его, и черезъ нѣсколькь минутъ онъ уже возстаеъ
 на президентскомъ креслѣ и допрашиваеъ французск.
 ся. Пчмь временемъ герцогъ подивалъ уже на квар-
 тирѣ врага и; узнавъ, гдѣ онъ, влечеъ въ камеру сѣдъ,
 зредуъ, чьмь Бомарше немедленно шель въ шель.
 Пчмь продолжаеъ застѣаніе, не даваяеъ на угрозы;
 де Шонь принужденъ сидѣть, но поспѣшно прерыва-
 еъ застѣаніе. Какъ только оно кончилось, онъ вьста,
 еъ Бомарше въ свою камаску и везеъ друзей; оружія

нить, — они затеузнають къ знаменитому герцогу да садлким,
 мль просяць обоидарь, но мль не фершидеа, и они тбууть
 своидурь сехи въ домъ Бомарше. Бомарше биль маскер,
 скимь адвокатоуь своей гези и Благородеуба, отъ пькраеь,
 ся успокоитъ врага, не бжеь коллизна предлагаеь сана,
 ла поодбдаурь съ миль, а позоуь вьдурься за оружие. Но оуб
 прожделенія Бвнменеубо графа досригло крайнего предв,
 ла; отъ кидаетъ на Бомарше, царапаетъ ему лицо, раз,
 роиваетъ пласе, фалкаетъ и убьичитъ его оуба и с.лурь,
 не унимаетъ таме и зода, когда шумь привлекъ юмну
 передъ домомь, а на мьшо подошца явилася полиція,
 козояа заекала графа яросно размахивающимь шпа,
 гои и Бомарше оубивающимь каминнымъ ирив,
 цаки.

Самоуправеубо биль мшикомь Авго; головоубоубь, ко,
 фораи съ гордосеубо повубораль, что отъ герцоуб и парть,
 это никто его зронурь не поелаетъ, биль кругомь вьсно,
 ваурь. Но ефараи порядокъ еубе процубоубаль, и въ уубе,
 мь оказался не золско Монь, но и Бомарше. Судь
 маршаловь, вьдавшии зода дьла гези мьндуб дворьса.
 ми, освободимь биль его оубь каурь, но министрь, раз,
 досадобанной эубиль, вьхлопоубаль у короля lettre de
 cachet и бросимь Бомарше въ For l'Évêque пораумьсе,
 мизь о своемь нитомьсеубь.

Это биль первый фьажкий уроуб, козояи мизурь давала

Ботарише. Ряде, гтамь когда-либо, ему наполнили
одъ его медвейскою происхожденіи, и Шомъ на до,
протъ съ презбрешеніемъ чиезохровнаго барта отрав,
добавля зтамь, что инаге съ медвей не лозъ было бы
сосназаться, что дуэль съ нимъ немыслима, что про,
звѣникъ, про котораго идуъ слухи одъ оздравленіи зметъ
и подъялъ буначъ, много не заслушивается.

Но что не додѣлалъ одимъ знамнойъ врагъ, го довер,
шимъ еще долге влѣдземной ладлашъ; но его прои,
каль, Ботарише задержали въ зурьмъ долге казна,
геннаго срока, гтода зтамь времемъ лозно было
направитъ процесъ во вредъ ему. Но онъ вымолимъ
себѣ право выходитъ изъ зурьмъ съ провозназъмъ, ка,
въщаръ судей, проситъ, наполнитаръ. Это не возмущаеъ
малю, что съ закъими просьбамъ ему придется обра,
зуръ къ членамъ ненависнаго вельмъ, подъставного
парламентъ, собраннаго канцлеромъ Мопу изъ велькаго
сдрода. Онъ обходитъ влѣдземной креатуръ Мопу, и,
наконецъ, узнаеъ, что его дѣло передано для доклада
совѣзнику Тэйтману, замъвѣрелскому законобуду
и сакому спосодному изъ парламентскихъ членовъ.

Въ сакомъ дѣлѣ Тэйтманъ бѣль далеко не заурѣ,
нелмъ подвлинно; згоъ усидивый и аккурацый дѣла,
сецъ обязательно вель дѣла, выпавшій ему на
далю. Бѣль ли онъ ^{неисполнителен, и негоденъ} закоснательный и беззрядный

вздрогликомъ, — неизвестно, но за него была вздржи
 его жена, пухлая и восторженная, безцеремонно хвастав-
 шая передъ знакомыми чинъ и белемъ „placet sa route“
 (одушительная курица). Да нея можно было доходить
 оклопнымъ пухомъ, черезъ одного книгопродавца, кото-
 рый принималъ и передавалъ деньги. Бомарше до-
 гался свиданий съ Тэджманомъ, но неуклонный при-
 браникъ давалъ ему черезъ разъ въ течение двухъ дней
 одинъ оубъ: „Тэджманъ пухъ дома и неизвестно,
 когда онъ вернется“. Принимая книгу аудиторію.
 Бомарше въ два приема съелъ деньги — сто лундоровъ,
 свиданіе, наконецъ, состоялось. Но взоромъ аудиторію
 нужно было опять покупать; Бомарше посылаетъ
 гаск, османские бриллианты; ихъ беруть, но требуютъ
 еще 15 лундоровъ „для секретаря“. Все вошло, но про-
 ситель опять видитъ лишь сурового привражника съ злымъ
 еще безнадетнымъ оубомъ. Прожившая сторона не въ
 прикърь болоте сорила деньгами. Бомарше идетъ судъ,
 много, и на другой же день узнаеть, что судъ, не признавъ
 подлога, оубеть его прошение, приговоривъ уплатить
 Лабламу 50,000 франковъ и покрыть значительная судей-
 ные издержки; вконецъ съ злымъ, съ него потребовали
 крупную сумму за содержание въ тюрьмѣ, гдѣ, по его
 словамъ, „онъ былъ снабженъ всемъ, кромѣ самого
 необходимого“. Наименее денегъ не нашлось; описали

Все имущество, напрошена была Гоним на несчастное, опозорено доброе имя. На баловня судьбы обречивались за разь весь бредок.

На кого зверств ему было опережся? На короля? Но не онъ ли заставил его, безвинного, въ уорьну? На принцессу? Она давно озвернула оръ головка, которой слишкомъ много заставлял о себѣ говорить и мочь вредитъ имъ своею близостью. На знающа? Она была прозвѣ него. Периодическою печати почти не было; судебная власть была ненаслима. Тутъ въ позрѣ сверкнуло отпавшее, героическое рѣшенье, онъ сдѣлалъ своими судей общесервенное мнѣние, равно чуже глаго волновавшееся, никуда въ поводѣ, чтобы свезти слезы со старинны порядкомъ. Гомарше далъ зрѣ поводѣ своими „мелуарамъ“. Прозвѣнниковъ было много. Завязался процессъ съ Гэцманомъ и почти со всѣмъ Парламентомъ кону. Это придавало прелеску Горды. Гомарше на судбахъ мелуаровъ, кого на фрежовалъ, моль плачу, завязывалъ съ каждымъ оудольнымъ пое, дикомо, но врядъ ли серьезно убѣжденъ былъ, что онъ воспорте свѣдѣ. Куднее испичаніе было впередѣ.

Насудитъ денг приговора, и безуфрашннмъ Гомарше обладѣло раздумье, когда рамннмъ, ^{уфромъ} онъ, одиноко и медленно, подходило къ зданію суда: что ожидало его, какое изъ безчисленныхъ наказаній, перепал.

навшихъ старой кодексе, призывающъ къ нему? Шелль,
 нулась даже мысль о смерти, — и не напрасно промель-
 нула она; о смерти все-таки вспомнили судьи, однако
 решено было, во имя высшей справедливости подверг-
 нуть обѣ стороны, и г-жу Тордманъ, и Бокарше, публич-
 ному порицанию (blâme), самая формула которого, раз-
 как и безпощадная (la cour te blâme et te déclare infâme),
 заключала уже въ себѣ уликъ въ безрассудности и ли-
 шеніе правъ; приговоръ г-же Бокарше долженъ былъ
 бы выслушать на колѣняхъ. Но онъ не былъ объявленъ.
 Сверхъ замучили г-женіе этой гаси приговора; у
 судей не хваило настойчивости; боялись ли они, что
 обвиненный двѣсѣзвѣстно исполнитъ угрозу, — либо
ранить налога, либо лишить себя жизни, — или же
болтание голы, усилившееся послѣ окончанія про-
 цесса, до того ужасало ихъ, что многие подверглись
 оскорбленіямъ на улицѣ, показывались лишь въ со-
 провожденіи суржамъ,² и изъ суда скрывались позайтими
 ходомъ, — голко Бокарше былъ издвѣленъ отъ позора,
 хотя надолго положеніе его оказалось нелегальнымъ,
двусмысленнымъ, и каждую минуту онъ могъ она,
 сажься ареста. Ему нашли удѣлища; каждый разъ,
 когда онъ оказывался покинуть его, народъ шумно
тесовалъ героя, — но все же изгнаніе было лучше
 въстной ^{визуальной} неудобности.

1) которую находить въ письмѣ къ принцу Конзи.
 2) Морена шуря пообъздалъ мнѣ ходитъ въ пальто въ домино.

Разведка процесса съ Тэуцманомъ оказалась, однако,
 весьма общезвучными фразами. Парламентъ попу
 одержимъ послѣднимъ своимъ побѣду; во время дѣла
 слишкомъ ярко раскрылась пороковъ его членовъ;
 Тэуцманъ былъ объявленъ *hors de combat* по недосказку
 чужимъ, но не удержался на своемъ мѣстѣ и задержался
 въ насъ до своей трагической смерти, а вскорѣ послѣ
 своего возмущенія на престолъ Людовика XVI при,
 мурдеиъ былъ расцезуиъ парламентъ и призванъ ме,
 новъ президентъ изъ ссылки. Личное дѣло сатирика
 сослужило фактъ образомъ всенародную сцену. Но
 Тэомарие розидеиъ былъ геніальнымъ авантюри,
 сромъ, а не суровымъ ^{Менар-Рануа} подвижникомъ. Онъ озиралъ
 себя въ Лондонъ. Подъ псевдонимомъ *monsieur*
de Ronas, въ козороиъ не зрудно узнаетъ Карола,
 переславившаго золско думки своей фамилии, имъ
 предпринята была рискованная поездка, имѣюъ уро,
 дитъ озживавшей вѣкъ модовицѣ драхлага короля.
 Объяръ даль пасквилаца *Théveneau de Nogande*
 за позизменную пению ничего не наказаръ ни
 прозвѣ короля, ни прозвѣ фаворизки. Это шекозим,
 бое порученіе даль Ронаку самъ модовицъ; вунло,
 молку содѣйствоваль его озвѣзду слава полиціи
 Сарзисъ, съ тѣкозорого времени ему, покровицетсрво,
 вавшій... Какимъ ртзкимъ диссонансомъ звучиць

1) Онъ погибъ на Эшафотѣ.

все это посылъ недавнихъ гориссержъ народного дѣльца,
 въ которомъ Юлиа говора была виднаго одного изъ вождей
 оппозиціи! Но нужно было, во время го ни сдало, бы,
 биться изъ земли, и Боуарше напросился на свою схран,
 нуто Миссё; онъ не искалъ джель, — напроживъ, зрашилъ
 свои, — но его поманили, въ слугахъ цетька, возвраще,
 нельтъ прожитаго положенія въ ствуть и озливной при,
 говора.

Но какое злое разогарованіе судеть его! Толтко-
 это онъ понесся за наградой въ Версалъ, какъ по
 дорожку го поразила вѣсть: король умеръ, не сдержавъ
 слова. Судеть все пропало, для новаго короля не только
 не имѣлось никакого значенія хлопоты ради фавориз,
 ки, но его цѣломудріе должно оскорбится иши, какъ
 оно поедойтно возмущалось присудеживіемъ фаворизки.
 Однако, схранное дѣло, — именно въ эту пору въ тавь
 же Лондонѣ какой-то новій бандиръ заковалъ по
 своему приводеживовану верупленіе на пресрель Модо,
 вика XVI Брошторой, не въ прайтврь циничности и опас,
 ные зой, которую только что обвилъ съ руки; на зреть
 разъ героиней насквилъ долонна явнеться сама Марія-
 Антуанетта. Такъ это уверивдалъ Боуарше. Король
 возревозиился и какъ мужь, и какъ правитель, и не
 хуже своего предшесувенника подпалъ наскривель,
 нельтъ удвоиденіяль Боуарше, которій, какъ глобечко

отысканъ въ вассальствѣ, предложилъ свои услуги, коздоръ генеръ не только получилъ деньги и паспортъ въ Англию и Голландію, но и добился содѣлительнаго разрѣшенія Людовика, коздоръ отъ въправилъ въ медальонъ и повѣсилъ на шею.

Снова оуправился Бомарше - топикенг де Ронас искалъ злобреднаго напфлеуэра. Но гдѣ найти его, какъ его имя, отъ не знаешь, и готовъ обвѣздить весь свѣтъ, лишь бы попалъ на его слѣдъ... Бомарше, събо біографовъ слѣдують генеръ въ Голъ, что Бомарше сполно посмотрѣлъ въ зеркало, чтобъ увидѣть замъ горюа лица авзора напфлеуэра. (Этотъ еще открытъ вопросъ).

Въ Лондонѣ Бомарше нападалъ на насквилланца, какого-то Аркинсона, покупалъ гезере тысячу экзепляровъ, сжигалъ ихъ - экзепляры напфлеуэра. Замысливъ, что авзоръ брошюры скорого поладитъ на ураганца или еврея, гдѣ на англиканца, Бо, марше вынужденъ по сознанію, что его насквилланца имя - Анджелучи. Это лицо спановиуея все ниже, респите. Неожиданно оно исчезаетъ; Голско-что они взоритно свидѣлиет въ Амстердампѣ, гдѣ передане были недосрававанія части рѣкописи и врученн оскра, ноя депши, - какъ Анджелучи упоркнѣлъ, котомо, для зого, чтобы гдѣ нибѣдѣ переиздае напфлеуэра и снова продаетъ его. Бомарше леуе за имя герозъ Гер,

маню, надеясь насунуть его передь Нюрнбергом,
 куда онъ, какъ слышно, направился. Урне онъ недале-
 ко отъ цыли, какъ съ нимъ случается необоживенное
происшествіе: это было передь Нейшрадзкой границей;
 онъ вышелъ изъ экипажа, чтобъ пройтись лѣсомъ, и
 велѣлъ кучеру ѣхать впередъ; черезъ полчаса онъ съ дру-
 дою добрался до кареги, испуганной и пораненной.
 Рука была перевязана, на шею былъ шпаль, — онъ замѣ-
 ко-что видѣлъ связку съ двумя разбойниками!
 Одинъ былъ верхомъ, другой замѣлъ предаремски съ
 земли. Писарюль Бомарше остылся; киномаль разбой-
ника, направленный въ грудь, ударился о медальонъ
съ королевскимъ пистолемъ; въ неравной борьбѣ сильно
мушкетеренника взяла вервь; верховой ускакала,
 оставивъ на мѣстѣ шляпу и парикъ; съ тѣмъ они
 поборолись; Бомарше убидалъ его передь собой на ко-
лѣнцѣ и урне хотѣлъ скрутить въ руки кутасомъ,
 но показались вдали новые сообщники, и онъ вы-
 нузилъ погоню. Тѣмъ квара посылалась труба
погвард, и шайка разсыпалась.

Такъ кончилось нападеніе; это оно связано было
 съ дѣломъ о пальфлетъ, Бомарше не сомнѣвался; онъ
 ясно слышалъ, какъ двое напавшихъ назвали себя
по именамъ, — одинъ былъ Аджинсонъ, другой Андже,
лутти. Въ этомъ духѣ дѣла онъ свое показаніе

(просить полицию нарядить слободские
 нюрнберскому бургомистру, и рассказывать всю сцену
 хозяину государственной „Красной Полицейской“ и его государю.
 Прямые разбойники, сообщенный им, описывают
 даже сию безрукую Анджелику. Она ^(вообще) ^{сентиментальна}
 в Вены; но, дотхав до Регенсбурга, отъ губернатора,
 что отъ франки ранаго по хуле; однако отъ не по-
 казалъ имъ хирурга и спускается по Дунаю на бар-
 кту. Она селъ необходимъ лично повидать кака
 своей государыни и открыла ей все. Прибавъ въ Вены,
 отъ, черезъ секретаря Марин-Терезии, просить зайной
 аудиенции; ему не доверяютъ, отъ показываеъ пол-
 номогие, выданное Людовикомъ XVI, это открываеъ
 ему досудить въ кабинетъ императрицы. Она идетъ
 прямо къ дѣлу и даеъ полную волю своей импро-
 визации, и политическому ^{разсуждению} прожектерству. Насроя,
 цес и будущность Францiи, судьба Марин-Анжуа-
 мезы, мрачное ^{судьба} скотинице клеветниковъ, задали ди-
 пломази — все зудъ есра, а на первомъ планѣ — она,
 герой дня, избавитель. Писаръ выходило, что у него
 была одолжная сватка съ Анджелику въ зомъ же
 мѣсу, что отъ ^{франки} распоролъ по дорожной мѣшокъ, отъ
 вскалъ кармана и завладѣлъ рукописью пасквиля.

Императрица Марин-Терезия была видимо поражена,
 на и безразлична. Славяеъ чиниться распознаваеъ
 людей, она и зудъ задавала вопросы, пробирала своими.

нид; но Ронахъ на все орывалъ, прогналъ ей панифреле,
 драматически передавалъ сцену нападеній, и она ему
 почти ^{отвѣтила}. Изумило ее нѣскольکو предложение
незнакомца перепелать въ Рюмъ, подъ его наблюде-
 ніемъ, ненавистную Брошору, съ вилуекимъ вѣнъ вѣнъ,
 докъ прожить Маріа-Аннуанезу: это, — говорило Ронахъ,¹⁾
 успокоитъ короля насчетъ семейныхъ разоблаченій, ко-
 торыми его напугали. Но, въ обидѣ, внезапное было
 благопріятно, — только осязаетъ легкое подозрѣніе, не
 съ французомъ ли имперъ она дѣло, и не произошла
 ли большая гасъ описываемыхъ событій въ его разгорѣ,
 темной головой. „Тузиде себѣ кровъ“, сказала она въ за-
 ключеніе, илюстриро разсказавъ съ нимъ, но потому
 все-таки посовѣтовалась съ Кауницемъ, ^{который} при имени
 Бокарше онъ вспомнилъ о межуарахъ по дѣлу Буръ-
 маа и позднѣ ^{изъ Нюрнберга} принимъ дѣлѣннй дансеній слѣдо-
 вателей, окрашенныхъ недоверіемъ къ Ронаху; курьеръ
 показалъ, что видѣлъ, какъ Бокарша, выйдя изъ ка-
 резы, взялъ съ собою дружбу и, вѣроятно, его нарочно
 поръзался; никто не замѣтилъ ни владимикова, ни
нѣмца, не слышалъ криковъ, восторговъ; о раздѣлѣ
 въ нѣмцѣ нѣмцахъ давно не слышали. Подобныя собы-
 тійнй зотлась навели Кауница на мысль о мистиче-
 скихъ фрикаціи; имперъ съ надежными помощниками, вѣнъ-
 скимъ мизерадоромъ Зоттенфельсомъ, адмиралъ изъ уѣзда.

1) раскрывшій, однако, зухъ свой псевдонимъ

землях и ревностных предсавителей просвощеннаго
 наго направлеиія въ Австрию, онъ взялся за разсѣ-
 добаніе дѣла, а зѣль временно скель туркомель ар-
 сьовавъ Бомарше на дому и овладѣвъ его бумагами.
 Мракъ, франко-дипломатъ, агентъ-любитель оцурился
 лицомъ къ лицу съ воемько гренадерами, двумя офи-
 церами и секретаремъ Кауница, которые обискали
 его и озьяли все, перениску, медальонъ и шакулку.
 Позомъ военный караулъ даль оставель у него, цѣль-
 лель зридцать одель дель, з.е., 44 зельски 460 минуть,
 который ^{ко}казались Бомарше безконечными. Марин-
 Терезин неприязна была разко проведенная исфорія
 ареста, и она предмочла бы васылку. Но Кауница
 былъ ^{не въ вѣдѣннѣ Францъ юппи: 1788} задѣвъ за живое и возмущель дерзочно обманъ,
 онъ зме не върилъ даме и въ миссико Бомарше, зуть
 не спущая подлогель и королевскую записку; не
 мочъ онъ доущель, зтомъ геловникъ, хвасалоцинъ,
 будзо обего посалкъ знаель зелько король, да глава
 полицин, мочъ ^{въ}Вотмъ оцкрько говоритъ о ней зелько,
 ко мизаль, и въ зо оне время предлагавъ перене-
 гацель закель зо рудельский палфрель. Зоркій глель
 разглядель промахи, неправильности въ докумелъ,
 захъ по дѣлу о палфрель, сходель почерка Азкинъ,
 сома съ рукою Бомарше, прозвортысе мелиду раз,
 сказель, будзо послѣдній цговоръ съ авзорель дрошорн

Французская пещорья литература XVIII в.

писаны были въ Нейштадтскомъ мѣсяцѣ, послѣ съезди, на колѣнѣхъ, скало-бѣгъ безпорядочно, — и связного, ^{свѣдѣнаго} чуждаго рукописнаго документа, — и все слышные возвращало подо, зрѣныя, не сама ли авторы, освобожденный отъ своихъ французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ псевдонимовъ, сидѣть упертъ подѣ охраной гренадеровъ въ заточенныя дѣла подѣ забавной вѣвѣскою. Si den drei Lauffen!

Томарше послалъ умоляющее письмо Сардину, а Кауницъ и Марія-Терезія изложили дѣло, каждаго по своему, австрійскому послу въ Парижъ, графу Мерси д'Арманзо, чтобы потребовалъ разьясненій. Въ концѣ-концовъ оказалось, что посылка зайнаго агента (То-марше) дѣйствительно имѣла мѣсто и что разоблаче- ние ея неприяно. Должно было удостовѣреніе, что арс-сманъ вовсе не закъ виновенъ; изъ Франціи оффи- ціально просили отъ него освобожденія, и, наконецъ, узникъ былъ выпущенъ на волю. Ему даже предло- жили, въ утѣшеніе, подарокъ въ тысячу дукатовъ. Но, по желанію Томарше, долго отказывался, подарокъ зрѣлъ былъ заточенъ драгоценными пероженемъ. — Такъ счастливо кончилась безумная франкофранкада.

Буде разъ, но только одинъ разъ навсегда, Томар- ше согласился взятъ на себя подобное поругеніе, и поѣхалъ отъѣзъ въ Лондонъ добывать у своего предшес- венника по закнѣ дѣламъ, шеваля Д'Эона, прозвѣд,

превращавшегося из драгунского капитана в дворян, годков ^{два} вчеть оставшихся у него колыропозитивизация бумаги и шифрованная писемка из времени его президентства займала походов (между прочим, в Россию). Это поручение было несравненно проще и прозаичнее президентства. Урок, вынесенный Бонапарте, был естествен, какъ ягонецъ и навсегда озучилъ по оубъ легкомысленной эксплуатацией изъимать займы, оубъ интриги и оубъ дипломатической игры. Оубъимать лучшихъ сторонъ его характера беруть верхъ; оубъившись въ Парижъ, среди оубъивленной либеральной бразии, вь оубъмосфере театра, музыки, Бонапарте снова весель, поезде, сочиняеть кумлеза и берется за „Ревильского Цирулстника“, затъ долго оставленного въ сторону ради хилерической будущности поллирика.

Съ этихъ поръ передъ нами какъ будто другой Бонапарте; нтъ больше ни двлоца, ни политического соитис. воуадеица; нтъ затъннлъ оуброумной, смъло фронтдирирующей фигаго, науренный оубаголь, во все извърившийся, надо всемъ смътоющийся и оубъвстающий на вопросъ Алмавивы, кто вынужилъ ему такую веселую философию: „L'habitude du mal, hein?“ (привычка къ несчастью).

Возникла война за освобождение северной Америки (1773-1783), и сражая сражая Бонапарте, поллирика,

увлекла его оныя на мировую арену. На этот раз
 цель была высокая и почетная, не гора двусмысленная,
 легкой вынеской и удручить: дело шло об освобождении
 дефини американских колоний, в некогораво время,
 ни заславших агентов к французскому двору
 с просьбой о поддержке. Сако бывал в Лондоне и
 по своим, и по своим делам, завязав знакомство
 с высшими деловыми кругами, и в парламентской
 оппозиции, Гомарше пошел посылать сфранки,
 оценок вьродуноек центра возсрания, и в голо,
 вь его сложился смелый план. Впереди стояли
 у него задачи высокие и благородные: Франция яв-
 лялась долом защитницей старого порядка, — теперь
 она поможем свободу молодого, предприимчивого
 народа, внесеть связь и новую жизнь в далекие
 края, покажем приморье великодушное, заграживая
 ради гурного счастья и энергии, и средству. За эти
 выслушали, однако, и больше земной подосуденной:
 хозьлоес озмивленид, борсба, ктода не зинт изодия
 вь денс, — а позади всего ^{всплыв} шевелилась надежда вос-
 пользовавсь близкими международными силами,
 венель и организацией тайной помощи и инсур-
 гендаль — для своих целей. Вьце вь ранние годы,
 вь Мадрид, Гомарше грезил о создании громадной
 колониальной компании; сюда ее переносавоув

океань, ведуть муть съ дикарями и переселенцами,
и обогацать предприимчиваго! Но что такое была
эта юношеская задача въ сравненіи съ величествен,
пыль планомъ зрѣлаго и искуснаго проектира!

Нашиве все-таки не срочилъ на первоу планъ.
Жизнь нарожденно перевоспитала Бомарше, что онъ прежде
всего серьезно увлекался идейною сороною своего
замысла. Памятная записки, которыя онъ настой,
живо подавалъ Модовику XVI, давая энтузиазномъ,
въ каждомъ мелюзарь онъ заклинаеу короля по,
могъ американцамъ, и его неслыханное напо,
минаніе: „il faut secourir les américains“, звучить
гдѣ-то вродѣ извѣстной Казюновской угрозы Кар,
Оагену. Онъ снова рискуеу своею репутациею, но
не можеу молчау, онъ заранже горосеубуеу
подъду, и за годъ до провозглашенія независимо,
суди (1776) прогнозиу зарожденіе долговѣчной и сил,
ной республики. Наконецъ онъ во главѣ какой-то
бойкой корабелной фирмы, горгующей съ интер,
генфами вѣннмъ, что ни попало: свертанными при,
пасами, виномъ, румянами, пушками, доставляеу
порохъ, мундиры, палазки. На одномъ изъ судовъ,
принадлежавшихъ Бомарше, готовился сначала оз,
плыве изъ Нанца юный Лафайетте съ группою
навербованныхъ или офицеровъ. И акціонеры, и

связь, и распорядился, — собирается в одно лицо,
и это лицо Томарше.

Но ни одно удачнейшее его предприятие не завершилось успешно, — и широко задуманная колонизация Америки, сулившая и правительственное удовольствие, и золотая гора, подъ-конечье удачило оказалась на лице его двух. Скучная американская казна не могла возвращать ему значительных сумм, козырь отъ ей скупался из своих средств. Доходило до того, что порою отъ перевозивших превозимых миллионы, безъ денег, безъ малейшаго слова изъ Америки, окруженный двух и займы благами и зависими, кажи. Бенджамин Франклин, двух во Францию официально представитель республики, не добьется Томарше, много его напикания; его пури, зански-цельно дремная натура не могла помирить, ся со слишком суровыми проявлениями характера первого, полного проживотий; нашлись, къ тому же, люди, сумевшие возстановить его прозвие То- марше, которому не прощали блестящей роли, за- мывающей весь. Пошли неудачи и на море, судя компании попадали въ руки англичанъ; лучший изъ ея кораблей, „Le Tigre Rodrigue“, вооруженный не хуже военного суда 60 пушками, принятый уча- стие въ морское сражение наряду съ французскими

флюидов и героически погибъ, — Эгозъ оригинальный
случай придалъ Тьомарше роль самоубийственного со-
позника Францин, старая матушка свои Эскадри, но
за то отъ нанесъ ему большой убытокъ. Смысла на,
такое дело завершилось планетного развязкою, и
независимая Америка скоро забыла того, кто „одино-
нужь первыя покровъ ей убивалъ себя фригийского
маткою“. Тьомарше маловалъ въ сражении Тьомарше,
одобрявший и несчастный, на заветие по целую.
Великие отъ тиль не въ вѣкъ рационализма, а въ
періодъ научной астрологии, отъ приписалъ бы свои
вѣтныя злоключенія вліянію несчастнаго созвездія.

Однако въ разгаръ американской войны Тьомар-
ше воспользовался своими новыми связями, тогда
добился формального снятія позора (влѣте), который
все еще угрозилъ надъ нимъ; осырталъ отъ и отъ
Ладлаша и закончилъ многоплузній процессъ съ
нимъ, одолѣвъ прокуратура; масса рукоплескала
возстановленію его добраго имени, мушкетеры овані,
яли и серенадамъ выказывала ему сочувствіе; но
Эта популярность еще долѣе возстановила прокурату-
ру него вѣстие крики, не просившіе ему ни „Севин-
скаго Циркулярика“, ни слишкомъ горячаго угасія
въ дѣлахъ Америки. То и стало прорывалось при-
знаки глухой браиды. Пасквили прокуратуры него, ося,

бенно Бронхори д'Эона, раскормились маассами и ми, залезли на расхвату свѣтскимъ обшествомъ. Отъ души благала въ дѣло, его же готовы были предать при малѣйшемъ поводѣ.

Съ этотъ торъ, какъ американская республика была упрочена и признана, вѣчное лихорадочное возбуденіе порредовало новыя цѣли, зауражи способ, пошеи на дѣло, которое онагъ могло бы захватить всего челобѣка. Мракъ, Бомарше присудилъ въ изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера. Съ этого цѣльсто отъ президаетъ, Обшество философское, лифераатурное и жирографическое, единое и нераздѣльное, уже позо, му, что оно онагъ все въ лицу Бомарше. Модови, къ XIV благаторъ въ чега возмась: „L'etat c'est moi“ (государство — это я); Бомарше на дѣлѣ и безъ всякаго хвасовсхва говоритъ о своей „Societe qui est moi“ (общество — это я). Творчество еще разъ явилось притѣ, мицель и оудвхоль для чезалаго и чоруженного духа. Бомарше моль часо забввае о своемъ писательскомъ талантѣ, бросая любимые замысли ради практической дѣятельности, но въ дни неудачи и раздразненія отъ съ оградой возвращался на старый путь. Песа, Мариаде де Физато (Свадьба Фригара) носила мно, гихъ предразувіи мнѣла неселыханный чепель. Враги — обешовельсхва уже не въ созрвннн боли и рево.

жизнь наслаждался автора; сочувствие несмысленного бол-
 шинства было на его стороне; удавались генерал и
 денежная предпринимая, а къ нимъ присоединился
 грандиозный мизерабурный гонимый; преслѣдн^{ия} на-
^тмаси были забота, процессы закончены, клеймо
 стыго. Самая смелая мечта его точно осуществ-
 вилась.

Добавилъ собою, успокоенный и веселый, Болгар,
 те камель, что кошмаръ прасхунитъ генералъ къ испол-
 нению замысла, козорый отъ давно лелѣлъ, — къ
 постройкѣ, на удивленіе всему Парижу, богатыхъ
 палатъ, гдѣ, среди чудесъ искусства и роскоши, за-
 зиметь на славу чинной педант^а, сынъ своихъ дѣл.
 Онъ ^{хотѣлъ} ослѣпить современниковъ своими при-
 удобными заботами. Это плохо подходило къ депо,
 крайнему, козорымъ отъ моды драпировался, но
 за то казалось ему хорошей и популярной ^{успѣшной} оумен-
 кой. Горько возмни, развѣ отъ не заработалъ сестъ этого
 дома въ бордѣ съ жизнью! Пусть же останеть отъ
 палатниковъ его зрѣда и энергия!.. И получилъ
 казначейскій деньги рѣчкой, уходъ на покупку дико,
 винной мебели, картины, на дашни и ограду при-
 дававшія дому видъ замка, на паркъ съ павильо-
 нами, фонтанами, со статуями Платона, Волтера.
 Но зрѣда не только не усиливалась популярности

Бомарше, а росли недовольство и досада створа и
бодной массы, одишевной злого беззаконства, и згнмь
 больше чужкой кь ней, что окна дворца поэта-богата
 выходили на шалкий улицы радогого предместья
 Св. Антония. Для Бомарше насавала, побидимому,
 созда буржуазная сфаросе, когда человеккь позволеть
 себь успокоуеся на лаврадь. Однако оть не хозьмь
 вовсе отказываеся оть литературы и театра.

Въ промежуткь между зреня редакційныи песеи
 „Ттарара“ прошла зревозимая пора сношений Бомарше
 сь революційей и новими для него деятелями
 ея, Мирабо и др. Передь палазати Бомарше бжмевала
 (въ 1789г.) несмьтунная золпа, осаждаая Басилию, и,
 сроя у окна, оть могь видьзе, какь ржшмься отьлонь
 произвола, сьолько разь грозившии, бывало, ему самому.
 Оть позрасець биль неозидантосебю взрива, но не
 могь не сознаваць солидарносети сь его вдохновиле,
 ялли: не за одно ли сь ними боралея оть чакь дал,
 го прозвие сьараго порядка! Но оть все еще вьрмьль
 вь возможносеть мирнаго обновленія и постылиль
 (въ 1790г.) вьсези вь „Ттарара“ сьезецу зорзмесрвемной
передали народомь своихь правь избранному или
королю, какь правителю конституційному. Сь,
 како оть зичезно позалея приммьнись дьтзельныи
революційи, сбизай сь позицій газето стьного влиа,

желанных парзій. Ему казалось, что онъ въ состояніи пойдти вступить со своими бывшими, но это было лишь заблужденіе. Тьерри въ одномъ изъ своихъ писемъ, послѣ июльскихъ дней, чрезвычайно ясно указалъ основу этого заблужденія. Немецкому литератору подумалось, что въ выборъ мѣста (на площади Басиллиа, возлѣ предмѣстья Св. Антонія) для палаты Бонапарте — на самой грани между царезволево ка, низала и шильемъ грудовой долины — оуразилось искутное значеніе поэза-сатирика, козорый всю жизнь сродилъ на рубески старого порядка и ресну, блики!

Такому геловъку, какъ Бонапарте, невозможно было удержаться на высотѣ, когда переходная пора уступила мѣсто организованному народовластію. Онъ надѣялся, что за нимъ признають роль предъ зели и подгозовицель, и готовъ былъ напоминать французамъ, наравнѣ съ американицами, что они многимъ обязаны ему; онъ оубросилъ аристокраци, гескую присаавку къ своей фамиліи и оуавилъ на оформить литъ мнѣ Карона. Но популярностъ все-таки не возвращалась. Напрохивъ, ропоуъ уел, ливался. Толпа повторила случаемъ о займвѣхъ симтаріяхъ Бонапарте къ димасіи. Передъ ело до, моуъ гасо происходили сдоринца, ему грозили

1) См. Briefe aus Paris, 100-е письмо (25 янв. 1833), съ превосходного характеристической Бонапарте; слѣдующее значительное (101-е) письмо дасть анализъ, Свядова Фигаро. Gesammelte Schriften, 1862.

месту, какь предаемо, подозривали, что у него спря,
зато оружье; вошли вь его даль, обаскали его. Хотя
ничего не нашли, однако Бомарше был вькорте
аресованъ и отльмъ заключение съ Массо (192) за по,
допытныхъ родисровъ.

Отъ - роямсе. Отъ, козорый нанесъ роялизму са,
мне зларскіе удари. Неожиданко его освободилотв.
Это казне не необходимъ, зогно сказогный сотъ, но со,
вершено подлинно и подъ-сра къ романтической
судьбѣ нашего героя. Бомарше снова на волю и опя
за радозой. Шперс его занимаетъ различныя проекты
содви срвѣя республикѣ; всерамный аресантъ бесбоду,
срѣ съ милитсудами, дае свѣ проси поругетий.
Для милитсудии нужна ручка. Бомарше получаетъ
зайное поругетіе добое ручка и снѣ шуръ геро Лок,
до въ Тару. Шперс отъ хотѣ да, что на вред
видѣ въ нелѣ золько торго агента. Французскій
гражданинъ, него цианъ, занимавшійся пресиде кру
нелми торговни предпрі зидми, козорый и до сихъ
поръ, по нелю его воли, сход дѣ оз бесбоду къ нелю,
закѣ характеризуетъ отъ себѣ въ перепи скѣ съ милити,
ср отъ ино судрановъ дѣ дрѣ номъ. Но про шло мил,
но дѣ лю вого человѣ ка зо и дѣ ло вѣ нѣ вало. Сно ше,
нѣ его съ вы снѣ нѣ нѣ слишкомъ сек рѣ тно,
нѣ да же въ бли жайшнѣ къ нелю кру галѣ. Пред о ва,

ние в Голландии показалось очевидным доказательством,
своего происхождения в пользу династии. Гомарше и изуэр,
как Бюлгеца.

Изуэр одъ эриш, онъ поехал на родину. В Лон,
домъ онъ попадаетъ в зюрбму, потому что не возвра-
тилъ в срокъ денегъ, занявшихъ для покупки ружей,
вырывается изъ заключенія и, презирая опасность, явилъ-
ся передъ лицомъ конвента. Мы узнаемъ президентомъ
Гомарше, времени „меуаровъ“ и американской вой-
ны; несчастья снова напрягли его энергию. Онъ обра-
тился (импрессию проповѣдствъ) въ единодушію и на,
уриозизму онъ свободно возрадовалъ в Голландію,
чтобы кончить дѣло о покупке ружей; на этотъ
разъ онъ снабщенъ былъ формальнымъ полномочи-
емъ отъ комитета общественной безопасности и при-
знанъ комиссаромъ республики.

Но пока онъ усердно хлопоталъ по своему дѣлу,
враждебная ему парція снова усиливается в Парижѣ.
Его имя внесли въ списки эмигрантовъ, домъ его
запечатали, конфисковали и написали на немъ
долгими буквами „Propriété nationale“; сына и
догъ его брошены были в зюрбму, где ждала оче-
реди пери на гильотину; но, къ счастью, ихъ вскоре
освободили. Но печально провелъ Гомарше три
года в далекомъ и чуждомъ ему Гамбургѣ, среди

мысли снова вернулись къ дипломатии; въ письмахъ къ Талейрану, съ которыми онъ незадолго передъ тѣмъ дѣлилъ изгнаніе, онъ предложилъ свои услуги правительству для упроченія отношеній съ Америкой. Но Талейранъ былъ генералъ вѣстной оведой и сурово помѣшалъ на его прошеніи: „се rasseroit ne peut pas être accorde“. Никакого просвѣта не открылось ни откуда, и послѣдній сдѣланіе добился какого-нибудь дѣла у Бонапарте, знаменіе коза, рого Бонапарте мѣтко предугадалъ, какое раздѣлился о недовѣріе и холодности. Консулъ не поспушилъ, ся на любезности автору „Свадьба Фригаро“, но замско тогда, когда его уже не было въ живыхъ и когда онъ имѣли характеръ милосердаго пріятеля его вдовѣ.

„Для науки въ родѣ Бонапарте какъ будто не су, цезвучерь ни полного упадка силъ, ни безнадѣжн, наго унынія; до послѣдней минуты эти люди вол, нуточь, хлопочуть, срочать планя, собираются что-то сдѣлать; жизнь порываеся у нихъ разомъ, одними ударомъ, — наирочет ^{на} уна досужило крайнего предѣла, зато казанушая сфера должна кончуться. 12-го мая 1799 г. Бонапарте, говорясь, былъ очень оживленъ и много смѣялся въ кругу близкихъ, — на другой день его нашли мертвымъ.“

1) говорясь Алексѣй Веселовскій ^{Бонапарте} въ своей книгѣ „Звѣзды и Каран, зернезихи“. Москва, 1894.

Эго была жизнь бурная, безпокойная, годная болс,
не для романа, а для истории литературы. Перед
 свѣтлей могилой зворига Фрагара въ массу слова под,
 нялись стихази къ нему, намядс о протинихъ на,
 слаиденидяхъ; недавние слезы поепененно забылись,
 и образъ Бокарше, освобожденный оуъ всего земного
 или неискреннего, перешель къ позоисуву просвету,
 летнать.

Литературную дѣятельность Бокарше можно раз,
 нѣдѣ на три ^{периода}, а именно: 1) периодъ его пер,
 выль произведеній, 2) периодъ его мамуаровъ, и 3) пери,
 одъ его зворгескаго совершенства или периодъ, гдѣ поэръ
 въ апогетъ своего зворгесва и 4) периодъ ^{до} поэръ на склонѣ жизни.

I. Периодъ первыль произведеній.

Бягърад сѣтъна неударъ и цстѣховъ, съ корорыми
 мы ознакомились въ биографіи Эгого поэра, годисся
 развъ въ жизнеописаніи искуснаго дѣлца, а ни,
 какъ не писателя. Но Бокарше и недумаль въ
 первой половинѣ своей жизни вовсе посвдцаят
 себя литературѣ; его захвадила борьба за существова,
 ние; въ немъ каптъла крови, не улегмался (по
 его словамъ) даме подѣ сраосѣ; голова была под,
 на всевозможныхъ плановъ личнаго счастья, гу,
дѣснаго обогащенія, политическаго вліянія. Кру,
 голъ много говорилось и писалось о защитѣ

правь среднего сословия, о подозрлив значеній ин-
 ной энергии и зрѣда; онъ заботалъ принять реаксу-
дзой борьбы на свои плечи, доказавъ на дѣло, чего
могъ достигнуть полный исцеленіе, если
возмездъ, чутью, за дѣло. Съ этой стороны его
неутомная дѣятельность возбуждала симпатию,
личной его порывъ срабатывалъ однимъ изъ призна-
ковъ времени. Та же борьба недалеко подготови-
ла и его интересно дѣятельность; срабатыванія,
разогарованія развили въ немъ знаніе людей,
Сторона, задумавъ за живое, онъ сказалъ искусств. Не
будь по погоде за фортуной, въ немъ не пробуди-
лось да того срасснаго исследования, которое во,
пламени срасснаго. Какъ Лесковъ заинтересовалъ
столеца своихъ произведеній изъ испанской жизни,
такъ и для Томарше испанскій, срассна „плаща и
шпаги“ (да сара у эспрада), серепадъ и болеро, навсегда
осталась привлекательного; онъ и „Севильского ци-
ркъника“ задумалъ сначала въ формѣ комической
оперы, куда сбирался безавидъ тѣсни и плѣски, какъ
направившійся ему.

Но эрозъ зависелъ пока еще въ неясныхъ гер-
тахъ носился въ его чутье; не сразу высунулись во-
марше среди ошнвленнои жизни Парижа во все,
оружіи комического дарованія. „Погоно въ народъ“

У испанскій народный танецъ съ аккомпаниментомъ ит-
на музыки и касрансера.

непонятна, и отъ рукописей по близку писано
 не съ прозою, придавая разговоръ швейцарскій ла,
 какъ зеръ, а сила губерва, горнесубдогова надъ пред,
 разсудками и самоуправством, любимая жена
 Дидро, должна была въ эту минуту особенно убие.
 каръ его. Такъ зародились первая его драмы: „Звез
тій“ и „Два друга“ (или „Монскій князь“); поэтомъ
обладать искренній зворескій порывъ; призваніе
губервадельнаго драматурга отъ серьезно силъ сво,
илье удаломъ; на этомъ разъ никакой разсудъ не
руководилъ имъ.

Герой пьесы „Звечій“, — молодой артистократъ, пле,
 мятникъ военного министра, обманулъ бѣдную
дѣвчушку пародією на брачную церемонію, бросилъ
позомъ своего шербу, но раскаялся, французскій ея
благородствомъ и нравственнаго вассозою. Какъ мож.
но было допустить подобный сюжетъ! М французскій
баринъ превратился въ англійскаго графа Кларендона,
а дѣйствіе было перенесено въ Лондонъ. Это еще болѣе
сблизило фавулу съ губервадельствомъ изобразилъ
заклять имъ столкновений невинности и самоуправства
въ Рилардсоновскихъ романахъ, начавшихъ услаои.
дакъ европейскую публку. Бомарше взялъ фавулой
для этой пьесы одинъ ввводной разсказъ изъ „Хромого
бѣса“, внесъ въ сюжетъ живыя черты изъ золско что

перешивших мадридских впечатлений, свободно пере-
работал его и превратил в картину из современ-
ной парижской жизни, настолько правдивую, что цен-
зура потребовала значительных изменений.

Не замечая декламаций и одиозных мнений, клетри
воинств и невзвешанная, европейская публика долго
слушала эту песню образцовую. Ее переводили и играли
бездель. В кружок Таррика, знаменитого английского
актера, переданный под названием "The school for
tunes" (Школа разбавщиков)¹⁾, она совсем подошла
к оригиналу, с которых рисовал Ригардсон.
В Германии ее еще раз перевели в филологическом
взгляде, и даже в начале XIX столетия, в новом перевод,
богатая Вулпиусом, она все еще правилась и верна,
знала сочувствие Тере. Для русской же сцены она со-
случила важную службу. Спущая зритель мать
после официального президентия правильного театра,
была она (1820 мая 1870), чтобы пансеи романтизм,
новый удар недолгую горизонт Синарароковского
классицизма. Различавшийся диктатор припис,
вал почти матери не переводилась Лессинговских
произведений, а именно Николаю Пушкинову, «созо-
вшему в военное издатель Кирилла Трои. Разумов-
ского», остальным же не только переводил, «звонит»
и с успехом посрабыв ее в москву, но в пред,

1) Передилка сделана была м-ром Трифилевым.

словии расхвалишь драму и автору.

Взорая пьеса „два друга“, взорая изъ мира банк,
розеувъ и расхищеній, пала послѣ перваго пред-
савленія. Неудача ея напомнила поэту, что „серь-
езная драма“ не его чинъ. Эти пьесы Бомарше были
слишкомъ были пропитаны и недоброумствомъ обих,
ного моралью, слишкомъ отражали умы зѣлъ, кто
не раздался еще съ предвѣдѣми регенсва и хотѣлъ
литъ: веселиться. Вообще это отклоненіе таланта
Бомарше было неудачно и оцалось въ его нѣдѣл,
поэти краски въ эпизодомъ. Но оно не прошло безъ,
слѣдствіемъ; „Эвгеній“, какъ мы слышали, постасуливи,
посѣ за предѣлами Франціи — въ Англии, Германіи
и Россіи; и угрожаемый ея сценны, и обличеніе
неравенства, и чинно написанное введеніе („Спыръ
о серьезной драмѣ“), узаконявшее подобный мнѣзан,
скій пьесы, — все дѣйствовало на измѣненіе вкуса
подгасъ силныя, чѣмъ драмы Дидро.

Первая пьеса Бомарше „Эвгеній“ и „два друга“, были
написаны въ судно слезливой комедій Москѣ,
но уже въ никъ завѣдно сурежленіе къ реализму
и сатирическому изобразенію дѣйствительности. Бо-
марше предсавляющъ собого вѣсна интересный ли,
герагурный характеръ. Это зипическій предсави,
зель общесуветныхъ сурежленій XVIII вѣка, это

закрытый въ золотъ пледѣ, полный сознанія своихъ силъ и рѣшившійся пробудясь, во что бы то ни стало, въ первые ряды.

II. периодъ: Мемуары.

Томарше должно было быть весьма опасенъ процессъ съ Маблашомъ, де-Шономъ и Эрриши. Такъ какъ судебная гласность тогда была немислива, то въ немъ сверкнуло отчаянное, героическое рѣшеніе, онъ сдѣлалъ своимъ судьей общесудебное мѣстечко, давно уже мѣло болно, бывшее, нуздаясь только въ поводъ, чтобы свести счеты со старыми порядками. Подобно Вольтеру въ дѣлахъ Каласа и Сирвена, Томарше далъ зоръ поводъ, и знаменитые „мемуары“ его („Mémoires à consulter pour P. A. Baron de Beaumarchais etc.“) прозвъ Тэцмана и его соодичниковъ превратились изъ заццифретаго документа по газетному ^{процессу} во всемародное дѣло. Мемуары по дѣлу Тэцмана входить сколько же въ кругъ юридической литературы, сколько въ область художественной сатиры.

Суряки впоследствии находили, играя словами, что если Louis Quinze цуронъ парламентъ, то Quinze Louis (пятнадцатъ лундоробъ) унигтозили его. Вокругъ дополнительныхъ пятнадцати лундоробъ (Quinze Louis), будзо бы назначенный секретарю Тэцмана, претиде всего сосредоточился споръ. Получивъ образно всю сумму

вздохом, кроме секретарской подложки, и узнав, что ни
 сень-секретарь Тэузмана никогда не получал зримых
 денег, Боарше догадался, что жена советника
 Тэузмана пожелала удержать или ^{денеги} ~~подбивавшие~~
 в ее руках, и эта алчность советницы уже вздымила
 его. Она сначала всадила ее миссисами, давала ей про-
говариваться, вовлекала в промахи, видела, как
она запугивает срочников лиц, и в обществе
открыто говорит о продажности герца Тэузмана
и всей парламентской шайки. Это получало не-
 приятную огласку. Корпорация согла нуэнтисим, для
 поддержания своей герци, похребовал ситдсудий, Бо-
 марше накликал на себя опасный процесс.

Прозвев него был герцез весь суд и Тэузмана
готовь был обрушить на него всю свою юридическую
мудрость. Неожиданно к нему прильнули в ка-
 жестве добровольцев два усердных свидетеля, искусе-
 ливль в ^{искусств} збеге: бездарный срихотворец Бактоларь
 Д'Арно и братский журналист Мартин (Martin),
 отъ же королевский цензоръ, случайный корреспондент,
 детуль Волбуера. Оба эти сакралла оказались в близ-
 кихъ отношениях или с Тэузманами, или с кнн,
 гопродавцемъ Lejay; оба безсудбно давали ложные
 показания, герцили Боарше и тьли елики пору,
 гатной добродетели. Плохая и дружная коалиция

сутьного пошла прозривъ нашего поэта, который на
 мизури годовъ былъ преда^нся отчаянню, но переломилъ
 себя, подавилъ подавлявшія слезы и разразился зрѣкъ,
 киль свѣтломъ. Въ тѣхъ угрожающихъ, раздражающихъ
 сценахъ, которыхъ можно было ожидать отъ разореннаго
 чело^{вѣ}ка, началась безпримѣрная судебная комедия.
 Богъ (Томарше) спасла сила свѣтла - чюмора.

^{Она}
 Томарше случайно посвятилъ намъ въ райнѣ своего
 платка; онъ показалъ ему, что во Францiи никто
 такъ не помогаетъ устѣлу и не завладѣваетъ вниман-
 ниемъ, какъ умѣетъ издѣлать монохотности и позо,
 янно разнообразитъ фелы, складъ рѣчи и эффектны,
 подкупная ювизной и неожиданности, зо раскрываетъ,
зо скрываетъ, зо касаясь общихъ вопросовъ и выдвигая
 научный арсеналь, зо выводитъ на сцену живыхъ лю-
 дей въ бойкомъ и забавномъ диалогѣ.

Прозивниковъ было много, но это придавало прелесть
 борбѣ. Томарше на сходцахъ мейцаровъ, зочно на фел,
 зобальномъ плацу, завязывалъ съ каждымъ ордѣльный
поединокъ. „Теперь ваша очередь, г. Марзель,“ — говорилъ
 онъ, и направляетъ эффектны оскроушнѣ и зпѣва на него.
 „A vous, monsieur Daisolles“ — и зой те паркъ подвер-
гаеся новой лшесвидѣтель. А гелъ Тэзи мановъ, раз-
 умъеся, орводитъ самое погезное мъзо, и она пог-
 ти не сходитъ со сцены, особенно г.ма Тэзи манъ,

главная виновница несчастий Бомарше. Съ какими
 злорадством играешь ты со своего мизером! Что при-
нимаешь говоришь ей любезности объе красота и не-
убыдающей молодости, и восторженная шепотом, при
 невольномъ захоуе судей, даешь взять себя под руку,
 и находишь, что Бомарше вовсе не такой зверь, ка-
 кимъ его изображаютъ. Что любишь ты ее, среди непри-
 суденной болтовни, на опасномъ для нея промаху,
 она оурицаешь, что когда-либо получила 15 гервонцевъ
 (quinze louis), —, мыслимо ли, чтобы шепотомъ въ
 ея положении предложили такую мелочь, когда на-
 кануне она отказалась отъ ста лудоровъ? — Накану-
 не чего? — взавлечь главный вопрос Бомарше. О
какомъ. Дать говоришь ты? — Боже мой, о томъ дашь, ко-
 да! — она ухмылкаешь, досадливо кусая губы и обманли-
 ваясь вверомъ. Что заговоришь ты своего прокувницу, въ за-
 кую непроходимую гущу, что съ отчаянія она приню-
таешь уже къ кельнымъ орговоркамъ, ^{à l'aveugle} одвываясь про-
 зивотвоя въ показанія въ томъ, что бывають такие
 периоды, «un temps critique», когда она не встаетъ сама
 и не попнишь, что говоришь и далаешь. Бомарше,
 конечно, извлекаешь выгоду изъ тикалурского призна-
 ния, съ насурезвомъ передавая всю эту картину въ
следующемъ мемуаре.

Иногда пущикой ему и серьезный, даже специально-

Учитель извлекает

научная среда борьбы. И в эпоху не будет недосказка.

По поводу пьесы ^{Томарше} Тэуцама, ^{Томарше} он излагает историю знаменитых продавцов судей древности и нова. по времени. Нушины свалили на законы. — друзья-юри. сцы снабдили его на эпоху слезь вь изобилии. Прозивная партия зарыла было воспользоваться неизвѣстной еще во франции историей сь Клавико, — Томарше вво. дил и ее вь свой обзорь, знакомитъ гизареля сь этиль драматическимь сполковеніемь и маскерски освѣща. еть его. Если же хорать набросилъ на него рѣчь, пово. рѣя басню объ управленіи, онъ умиляетъ гдѣ-то выудилъ неблагоприятную продолку Тэуцама, козоровъ, чюднъ прикрывъ рожденіе незаконнаго сына, поддѣлалъ свидѣтельство о крещеніи. А laquette, comte à laquette, думается ему (въ родѣ войны, какъ въ родѣ войны).

Но общаго значенія процесса Томарше все время не держеть изъ виду, и, когда нужно указать, какія мѣ. ры могли бы прекратить искаженіе правосудія, онъ высказывается за введеніе суда присяжныхъ по анг. лійскому образцу. Маскерскіе сатирическіе порывы получаютъ у него социальный фронтъ; люди, сь козоро, ми онъ беретъ, уже не личные золько его враги, но враги народныя; за карэтомъ виднѣется вся клка лозимыхъ парриозовъ, готовыхъ обозвать измѣнника. Ми ожене сьва беднаго, кудъ или лично не прийдеть,

возлашающих, это кроме них насродичных фран,
 музовь петь; за Бэрианомъ всудунаеъ не только
 тайка клеверовъ Мопу, но и весь сурой допозитной
 магисрадури, а въ Лабламе, до и дало взаблывшемъ
 свое слово и земеръ, омизеворялое барезво.

Въ милуе садирического воодушевленія Бомар,
ме ублекаеъ смылоуею зона, козору сравнъ подъ но,
кровь изъосужнаго суда Буало: „Вы видите, что
я говорю все на пиздоу“, — завлаетъ отъ Марэну, —
 „что въ моемъ слогъ петь ни умолкаий, ни сло,
вележъ, ни дурныхъ фразъ, ни смышныхъ церемоний,
ни пошлой экономности; какъ Буало, —

Je ne puis rien promettre, si ce n'est par son nom;

Fapelle un chat un chat...

а Марэна я называю зорговичемъ межуарамъ, ли,
ферадури, цензури, новосудни, инионсудомъ, росфомъ,
индугами etc., etc., — изъомъ герере сфратичи etc. Но
 споритъ съ заки прозубникомъ сзановице для Бо,
марше невыносимомъ. „Первое песнаеъ для чело,
бъка“, — объявлетъ отъ ему (Марэну) подъ конце, —
 „конечно, фо, когда краснеть за себя; но взоро на,
суднаеъ, когда за хедъ краснеть друге. Вирочемъ,
 я не знаю, зачемъ я говорю вамъ все эти вещи,
козорыхъ вы не можете даже поняеъ. А удалюеъ,
втъдъ я еще могу что-нибудь уразаеъ. А вы... вы

можете смело идти ветою. X

Для заурядных прозвников у него (Бомарше) другой тон, — насмешливый и небрежный. Свидетель Бертрам Дэроме свалился на безмалыдухо каждый раз, когда мог показать в пользу Бомарше. „Какая прекрасная земля для конкурса хирургической академии на 1774 годъ! Золотую медаль зову, кто одъленитъ, какими образомъ мозгъ Бюнаго Бертрама могъ быть, данно расколосся на двое и вывазь въ его голову на, мѣтѣ, сзолъ счастливого для однихъ францовъ, сзолъ несчасу, нуо для другихъ, — какъ кузенъ Бертрамъ срамъ бурць парализиковъ одного сфоронного ума, и приломъ необикновенно курьезнымъ способомъ, — газеъ палмъзи, обви, нятоцаъ Марэна, парализована безвозвратно, тогда какъ газеъ оправдывающаъ зраба, небрежна и сидеъ закиль хрусталономъ блескамъ, что милгайшимъ по, дробноези отражатеся въ ней, какъ въ зеркаль.“

Когда же посродиная урза энергий доводила Бомарше до изнеможения, и онъ съ печальной протиейю борилъ друждамъ: „Ну, что-жь! еще нѣсколько ко новиль враговъ, еще нѣсколько медуаровъ, — и репузация мал сфа. нежь была, какъ спить!“ — съ нежь его возносила, въ озвѣзь на „медуари, газетная сказы, циркуляры, руга, желсезва и зыяна одну диффамацию — „полизва къ Благому Суизезбу“ (Etre bienfaisant).¹⁾ Бомарше при,

1) Это — одинъ изъ классическихъ образовъ французской прозы.

грезилось, что Богъ ^{вселил в него} возвышаетъ ему, что ему суждено
 испытать немало несчастій, дабы не возгордился бла,
 гополучіемъ; его будуць раздражать на гасри расяни
враговъ, его лишать свободы, имущества, обвинявъ въ
грабегствъ и подлогъ, въ клевету и подкупъ, опозорять
всю его жизнь изъ-за сиедентъ, и т.д. Онъ склонялся
 передъ высшей волей, вѣрять, что она не дастъ ему по-
гибнуть, поможетъ все пережить, — и просить только,
 тогда грядущія ему несчастія принять именно эту
 форму, о которой онъ самъ много разъ думалъ. Пуще
 прозивникомъ его будуць скупой наследникъ богатого
именя, способный оскаривать дары, козоровъ вычуженъ
 былъ дружбаю и честностью, и пуще люди негодующъ,
 видя, какъ эгоизмъ челоука, ослѣпленный ненавистью,
 начинаетъ позорный процессъ.

Также посреденно въ молвбахъ своихъ Бомарше
 описываеъ насрожаще положенія дала, прося себя
 и безсезнаго хрибунала, и лицемернаго судью, и т.д.
 Когда же главныя просьба будуць услышана, онъ смил,
 ренно умоливъ божество, если уже необходимо, тогда
 сзронтія лица вѣтывались, пославъ неуклюжаго
 и злого посредника, умышленно все поружага. Пуще
 онъ будуць измѣтникомъ дружбамъ, недобродѣтникомъ
къ своимъ благодѣлалъ, ненавистнымъ для аборговъ
 по своей цензурѣ, скупымъ для гизарелей по своимъ

касатиды, сфранкисты для должинников, разоружен.
цель бьонны книгопродавцев из-за своего бога,
ценя, продавцы запрещенные книги, согласно,
заем за любови, допускающими его въ свое общее,
сво, — чтобы въ глазах людей доказано было был
мь огреченными, и это убьждало бы въ честности че,
любови, срочно был подъ его защитой, чтобы весь зедь
подозревали. Боже, дай мнѣ карэна! —

Безпритворной цесты мемцаров подтвердил
его догадку — его искусственные приемы. Бомарше
чуть какъ-то неуловимо пелазы и распростра,
няе ихъ, не справляе ни съ какими правилами,
не представляя рукописи никому на удобрение. Сн
наводил мемцарам Париж, раздавал ихъ черезъ
агентов въ суды, на площадяхъ, на оперныхъ маска,
радахъ, гдѣ ихъ расходилось въ вечеръ нѣскольго
тысячъ экземпляровъ, и дошелъ того, что они окупил
въ рукахъ всѣхъ и каждаго, оу вѣлможъ до улыбка,
го гуляки. Парижская долина тихо откликнула
на призывъ; авторъ мезковъ сразу срвалъ необикновен,
но популярный. Мнѣ чужали бездѣ; въ кафе соди,
рались для этого масса народа; вѣ холодали, пере
давая другъ другу золото — что подхваченная офурзи.
Смѣялись даже суды, когда Бомарше книговизиро,
валъ передъ ними какую-нибудь сцену и зѣмился

1) будущую сфранкисту мемцара

промахами и нескладными остротами прозвучивать.
Дворъ не охранялъ; позышная рѣчь меня Терзана,
 на и колкоему Бомарше показалась какъ забавно,
 что изъ первыхъ двухъ мемуаровъ была ^{глаголющая} скроена
 неприязнительная, но, говорю, удачная комедия, ко-
 торую разыграли своими силами на придворной
 сценѣ, а провансальская поговорка „ques à co?“ (что
 это?), которую Бомарше преследовала Марэна, но,
 казалась такого остроумного, что Марид Ангуанезза
 назвала какъ придуманную ею квартету. Бомарше,
 какъ тонкій наблюдатель, не могъ не видѣть сра-
 моты этого союзувѣя; влиятельнѣйшіе люди въ
 срамотѣ предпочитали охранавливаться на позышной
 сторонѣ явленія и не хотѣли сознавать обязанности
 преобразовать судъ, гдѣ-то вѣдѣхъ золь. „Что смѣ,
ерес?— Надъ собою смѣзес!“— могъ бы итъ сказать
 авторъ мемуаровъ, но онъ доволенъ былъ золь, что
 за него былъ всеобщій смѣлъ, что съ каждаго
 кобыль центаломъ обличивель все ниже падали
 мансы прозвучной срамоты; она была виновна уже
 золь, что давала себѣ осмѣль и покровитно охраня-
 лась въ долгу.

Горькоу Бомарше не могла не увлекать гнѣ-
 зель; зо, что онъ говорилъ, было у вель на чмѣ,
 но кромѣ него никто не рѣшался высказать это

открыто. Съ появленія мамуаровъ до зрѣлаго, Свадь,
би Фригаро (Magiade de Fidiaro) Бонарше не раздался
 болѣе съ ролею шамараа общесуветнаго мѣстнѣи, на
 козороу основанъ его писарельскій устыль. Длѣзатъ,
 кто видить въ замѣтаельскыхъ людяхъ выраженей
народной думы, — это одинъ изъ удѣлельскыхъ при-
мѣровъ.

Брѣдъ ли серьезно удѣлельскы болѣ Бонарше, что
 послѣ срокельскыхъ усилій отъ воєфортеуверъ, правдо,
 его молбды были цельманн, и судьба послала ему
 враговъ, дававшихъ нерѣдко прозубъ себя оружіе, —
 но они были слишкомъ силны, а его обращеніе
 къ общесуветному мѣстнѣи цѣратало и зрѣботило
мѣ, вѣльско розо, чтобъ образумливаръ. Сднано ролла
генеръ знала и людила Бонарше; когда президентъ
суда осмѣлился разъ приказаръ воєнаръ его изъ
лазы, какъ дерзкаго нарушителя спокойствія, и когда
 онъ заявилъ, что пришелъ по своему дѣталу, не сойдѣръ
съ мѣста и призываетъ націю въ свидѣтели, его окры-
шила масса сзороуничковъ.

Это беззрание приводило въ воєзоръ Волуера:
 „Я никогда не видалъ никого спасенья, спятель, ко,
микель, интересель, сокрушительскель для прозубовъ,
ка,” — писалъ онъ, — итель мамуары Бонарше. Отъ
бѣеся за разъ съ 10 или 12 врагами и повергалъ

ить на землю съ такою же легкостью, какъ въ фарсе арлекинъ-дикарь колоуизъ оурядъ полицейскихъ.¹⁾

Но не только въ общесуветномъ отношеніи прозрѣлъ и возмущалъ Бомарше во время своихъ несчастій. Это лигеразурное дарованіе золско гезера проявилось въ полной силѣ. Передъ нами уже образцовый комикъ; срѣзъ вынулъ оудалыныя зинзоды, — и сцена изъ оуфроцмѣтѣмѣй комедіи гозова.

На спектакль, гдѣ давали „Звгенію“, появленіе абура вызвало оуаццо; бѣгъ намѣкалъ псебы, подбодившимъ къ слугамъ, рукоплескали. Эза популярное сзатовилась опасною, и Бомарше дорого шрмилось за нее заплацызъ; онъ долженъ былъ бѣжать, прѣбразился въ monsieur de Ronas, въ правительственнаго агента, рѣскающаго по Звронъ, разскаивающаго соги, мафелей памфлезовъ на королевскую францїю и покупающаго у ниль эми памфлезы. Однако, онъ похотѣ увидѣть на дѣлѣ, что его писательскіе ценъхи досравили ему гораздо больше извѣстности, чѣмъ займѣй ^{Кантъ, Геттингенъ} шашки: въ Вѣнѣ и Каймицѣ, и Зонненфелсѣ уже видѣли въ немъ абзора Мамуаровъ;²⁾ а когда протѣждомъ черезъ Аугсбургъ, на образномъ пути во Францїю, онъ зашелъ въ театръ, онъ увидѣлъ бѣгъ, увидѣвъ на сценѣ переложеніе его мадридскаго сролкповесїя съ Клавизо, вздѣлаго изъ

1) См. Писмо къ маркизу Орпоріану, 1774 (Corresp. génér.).

2) Correspond. secrète, p. 232; Междуари Бомарше „ont fait les délices cet hiver ici à lire, писаль Каймицъ похотѣ мерси.